

На правах рукописи

Никифорова Александра Юрьевна

**НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ТРОПОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ГИМНОГРАФИЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ**

Специальность 5.9.7 – Классическая, византийская и новогреческая филология
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

Диссертация подготовлена в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.).

Официальные оппоненты:

1. Кривко Роман Николаевич, доктор филологических наук, ассоциированный профессор, Университет Вены, факультет филологии и культуры, кафедра славянских исследований.
2. Афанасьева Татьяна Игоревна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).
3. Муравьев Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ).

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Библиотека Российской академии наук».

Защита состоится «22» декабря 2026 г. в 17.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.080.02 на базе Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и на сайте: www.imli.ru > Наука > Диссертационные советы > Защиты.

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

А. В. Голубков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Гимнография — это совокупность поэтических текстов религиозного содержания для исполнения во время литургических действий в храме. Византийская гимнография представляет собой целостную поэтическую систему, имевшую распространение на обширной территории (Палестина, Египет, М. Азия и др.) с первых веков христианства до 1453 года. Она включает в себя корпус христианских гимнов, имевших богослужебное предназначение, обладавших специфической музыкально-певческой организацией, отличавшихся особой поэтикой и запечатлевших культурно-исторические, богословские и социально-политические реалии жизни византийской цивилизации.

Первоначально гимны создавались на греческом языке. Начиная приблизительно с V века их стали переводить на грузинский; в меньшем объеме — на армянский и сирийский, затем на арабский языки. Гимнографический корпус дошел до нас в Минеях, Триодях, Октоихах, Макаризматариях, Кондакарях, Стихирарях и др. Состав книг определялся временем создания, локализацией распространения, типом литургического обряда и задачами, для которых предназначалась та или иная книга.

В 1975 году в монастыре святой Екатерины на Синае был впервые обнаружен греческий Новый Тропологий¹, универсальный годовой гимнографический сборник храма Воскресения в Иерусалиме, который изменил наше представление о таксономии памятников литургико-гимнографической книжности Византии.

1. Обоснование актуальности темы

Актуальность исследования Нового Тропология определяется его фундаментальным и системообразующим значением для византийской гимнографической книжности, а также необходимостью введения этого важнейшего памятника в научный оборот, поскольку он до сих пор остается неизданным и не изученным.

Рождение и генезис Тропология неразрывно связаны с христианским Востоком и становлением иерусалимской гимнографической школы. Несмотря на то, что политический и административный центр Византийской империи тогда уже находился в Константинополе, Иерусалим сохранял статус главного литургического центра. Именно здесь, в кафедральном храме Воскресения, или Гроба Господня, создавался Тропологий, который «всецело определялся уставом»²

¹ Τὰ νέα εὐρήματα τοῦ Σινᾶ. Ἀθήναι, 1998. Σ. 3–24, 27–49.

² Хевсуриани Л. Структура древнейшего грузинского Тропология. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1984. С. 14, 17–18.

и литургической практикой этого храма. Генезис Тропология происходил в два основных этапа: в V–VII века появилась первая, старшая, редакция, в VII–IX века — новая редакция.

В художественном отношении Новый Тропологий, или Тропологий младшей редакции, представляет собой не только вершину гимнографического творчества VII–VIII веков, связанную с именами Иоанна Дамаскина и Космы Маюмского, но выдающееся достижение византийской гимнографии и, в более широком смысле, мировой литературы.

Тропологий был заимствован — и адаптирован — за пределами Иерусалима, в местах, функционировавших как литургические периферии (прежде всего, это касается остальной части Иерусалимского патриархата, учрежденного в 451 году, включая монастыри Иудейской пустыни — святого Саввы, святого Феодосия — Синай и др.). Начиная с V века иерусалимский обряд был принят Армянской и Грузинской Церквями, а затем — мелькитским (=халкидонским) Антиохийским патриархатом. Книга использовалась в Палестине, Египте, Сирии, Грузии вплоть до X–XI веков, где служила основой для формирования местных гимнографических традиций и оказывала существенное воздействие на развитие национальной поэтической культуры.

На рубеже VIII века Тропологий был воспринят в Константинополе, который после арабского завоевания Палестины в VII веке утвердился в качестве политического и духовного центра империи. Здесь начался новый этап литургико-гимнографического развития: в IX–X века материал Тропология был существенно переработан и расширен новой гимнографией, что привело к дифференциации его содержания и формированию трех самостоятельных сборников — Минеи, Триоди и повседневного Октоиха. Эти книги постепенно вытеснили Тропологий из богослужебного обихода, сохранив при этом его структурные, жанровые и поэтические принципы. Константинопольская гимнографическая система стала доминирующей в греко-славянском православном мире и легла в основу корпуса литургических книг православных Церквей Греции, России, Сербии и Болгарии.

Идентификация листов Нового Тропология — это важный шаг к исправлению ряда устоявшихся ошибочных определений, сложившихся при каталогизации кодексов византийской литургической письменности вследствие недостаточного понимания типологии ранних гимнографических сборников. К примерам непонимания можно отнести описание фрагмента греко-мелькитского происхождения VIII–IX веков, привезенного в 1859 году с христианского Востока немецким библиистом, профессором Лейпцигского университета Константином Тишендорфом (1815–1874). На протяжении столетия данный фрагмент подвергался противоречивой атрибуции: его называли «патрологическим кодексом» (К. Тишендорф), «фрагментом гимнографической книги» (Э. Муральт), «листом из Кондакаря» и «фрагментом Кондакаря или Триоди» (А. Пападопуло-Керамевс). Последнее определение закрепилось в каталогах Е. Э. Гранстрем и И. Н. Лебедевой, где лист обозначен как «Триодь постная?» и просто «Триодь».

В 2020 году Ф. Д'Айуто высказал сомнение в правомерности применения константинопольского термина «Триодь» к атрибуции раннего гимнографического фрагмента, происходящего с христианского Востока. Его скептицизм оказался обоснованным: кодекс сохранил семь греческих гимнов — по одному на каждый день, начиная с первого воскресения великого поста. Композиционный принцип, основанный на ежедневном использовании одного песнопения, отличался от насыщенной и многослойной структуры византийской Триоди, где на каждый день приходилось несколько стихир, полных или неполных канонов. Сам Д'Айуто осторожно определил данный фрагмент как «стихиры самогласны триодного цикла», отметив при этом необходимость идентификации текстов для уточнения типологической принадлежности листа. Окончательная атрибуция была предложена мной в 2024 году в статье «Фрагмент РНБ. Греч. 87», где на основании сопоставления с фрагментами из коллекции «новых находок» монастыря святой Екатерины на Синае было установлено, что лист представляет собой Новый Тропологий; то же самое действительно в отношении рукописи РНБ Греч. 29 (см. список публикаций).

Ошибочные определения, закрепленные также в каталоге «новых находок» П. Николопулоса стали следствием непонимания системы организации литургико-гимнографической книжной культуры Византии доконстантинопольского периода. Николопулос, как и другие каталогизаторы и исследователи, опирался на ранее предложенную систему классификации гимнографических книг Византии³, подразумевающую деление на Минеи (Р.Н. Кривко, А. Спанос), Октоих (К. Ханник, С. Фрёйсхов, И. Е. Лозовая, О. А. Крашенинникова, иеромонах Епифаний (Булаев)), Триоди Постную и Цветную (И. А. Карабинов, М. А. Момина, М. Ф. Сгандурра).

Классификация христианских литургико-гимнографических книг и их макро- и микрожанров, разработанная Н. А. Мещерским (1906–1987), который в 1977–1986 годы в рукописном отделе РНБ проводил специальный семинар в рамках работы коллектива российских ученых над составлением Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, также основана на памятниках константинопольского происхождения⁴.

Необходимости пересмотра классификации литургико-гимнографических рукописей был посвящен круглый стол на Византийском конгрессе в Белграде в

³ Velkovska, E. The liturgical books of the Byzantine Rite: history and culture // *Liturgische Bücher in der Kulturgeschichte Europas* / Hrsg. Hans Peter Neuheuser, Wien, Harrassowitz, 2018 [Bibliothek und Wissenschaft 51]. 2018. S. 137–155.

⁴ Лекции впоследствии были изданы: Мещерский Н. А. История христианской литургической письменности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

2017 году. Его провели профессор К. Рапп и участники проектов Венского университета «Евхологий» и «Синайский палимпсест»⁵.

В изданном в 2025 году обзорном труде по литургическим книгам Византии, подготовленном С. Алексопулосом, С. Фрэйсховом и Э. Вейдом⁶, присутствуют статьи о Типиконе, Евангелии, Апостоле, Профитологии, Псалтири, Евхологии, Часослове, Постной и Цветной Триодях, Минее, Октоихе, Панегириконе, Минологии, Синаксаре, особая же статья о Тропологии отсутствует.

Таким образом, определение типологии и функций Нового Тропология — ключ к решению фундаментальных проблем византийской гимнографии, пересмотру теоретических подходов к её анализу и практики каталогизации памятников литургико-гимнографической книжности Византии.

2. Цель и задачи

Цель работы — описать нововыявленный тип византийского гимнографического сборника — Новый Тропология — и определить его место и значение в истории развития гимнографической книжности Византии и ее поэтико-литургической системы. Для достижения данной цели было необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Осуществить критический разбор научных подходов к исследованию литургико-гимнографических памятников Византии в целом и разработать методологию, адекватную специфике памятников иерусалимской гимнографической традиции, применить ее в настоящем исследовании.

2. Выработать типологические критерии отбора памятников, представляющих «Тропология»; с учетом разработанных критериев идентифицировать среди греческих гимнографических фрагментов VIII–IX веков из библиотеки монастыря святой Екатерины на Синае, Российской национальной библиотеки другие фрагменты Нового Тропология;

3. Выделить специфические критерии, которые различают фрагменты Нового Тропология между собой;

4. Описать поэтику иерусалимской школы византийской гимнографии, представленной в Новом Тропологии, и оценить ее влияние на формирование поэтики византийской гимнографии как целостной системы;

⁵ D'Aiuto, F. Per la storia dei libri liturgico-innografici bizantini: un progetto di catalogazione dei manoscritti più antichi // Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata, Nuova Series. Vol. 3. P. 53–66.

⁶ Byzantine Liturgical Books: An Introduction / ed. by S.Alexopoulos, S.S.Froyshov, S. Royé, A.Wade, CMB, 2. Turnhout, 2025.

5. Установить книжно-литургическую функцию, место и роль Нового Тропология в эволюции литургической книжной культуры Византии в целом; оценить роль Нового Тропология как источника и образца для формирования константинопольских сборников (Минеи, Триоди, повседневногo Октоиха).

3. Объектом исследования является византийская гимнографическая традиция. **Предметом** исследования выступают тексты Нового Тропология в греческих рукописных источниках VIII–IX веков, принципы их типологической и поэтической организации, рассматриваемые в сопоставлении с Древним Тропологием, региональными гимнографическими сборниками VIII–IX веков из Палестины, Египта и с Синае, а также с византийскими Минеями, Триодями и повседневногo Октоихами.

4. Методы и источники исследования

В современных исследованиях византийской гимнографии сложились два основных направления работы с текстами: филологическое и историко-литургическое.

Ученые первого направления — М. А. Момина (†2021), Р. Н. Кривко, Т. Л. Александрова, О. В. Чевела, Ю. Пентюк, А. Зервудаки и другие, — занимаются текстологией и анализируют, прежде всего, форму и содержание гимнов в контексте истории развития языка и литературы. В историко-литургическом направлении работают Ш. Рену (†2026), С. Фрэйсхов, Х. Бухингер, Г. Такер и другие, — они изучают гимны в контексте истории развития богослужения, применяя арсенал методов сравнительной литургики и при этом уделяя меньшее внимание вопросам языка и стиля гимнов.

В настоящем диссертационном исследовании представлена попытка соединить эти два направления и использовать комплексный подход к анализу рукописных памятников: я рассматриваю поэтику текстов в их литургико-историческом контексте. Сравнительно-литургический метод применяется для выявления влияния истории развития богослужения на структуру и поэтику гимнографических текстов и предполагает рассмотрение текстов в их реальной исторической среде, понимаемой как целостный культурно-литургический контекст.

Метод был разработан А. А. Дмитриевским, А. Баумштарком, Р. Тафтом⁷. Следующие законы литургического развития, сформулированные

⁷ Дмитриевский А.А. Лекции по литургики Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. / Изд. подг. С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин. Екатеринбург, 2016. С. 148–165; Baumstark A. Liturgie Comparée. Monastère d'Amay, 1939.

А. Баумштарком и систематизированные Р. Тафтом, учитываются в работе для анализа механизмов функционирования гимнографических текстов: 1) Эволюция литургических чинов движется от разнообразия к единообразию, а не наоборот; 2) Литургическое развитие характеризуется переходом от простоты к возрастающей сложности; 3) Не вся литургическая единица развивается как единое целое, а каждая ее компонента обладает собственной историей; 4) Чем позднее по происхождению текст, тем более он литературен; 5) Чем древнее литургический текст, тем больше в нем содержится вероучительных элементов; 6) Позднейшие литургические тексты в большей степени подчинены законам риторики; 7) Новые и старые элементы в течение определенного времени могут сосуществовать друг с другом; 8) Древние обычаи сохраняются в наиболее значимые литургические периоды года; 9) Архаичные элементы богослужения сохраняются на периферии после их исчезновения в литургическом центре; 10) Позднейшие толкования нередко символически переосмысливают изначально практические литургические действия; 11) Вероучительная часть текста позволяет выявить индивидуальный почерк автора или школы; 12) Принцип *lectio difficilior praeferenda* применим не только к отдельным разночтениям, но и к целым литургическим текстам или их структурным частям; 12) Литургическая акцентуация достигается путем удвоения богослужебного формуляра⁸.

Применение историко-литургического метода в рамках филологического исследования позволяет на генетическом и типологическом основании идентифицировать гимнографические фрагменты, обладавшие конкретной литургической функцией и связанные с определенными чинами, территориями и временными периодами. Достоверность атрибуции может быть подтверждена через сопредельные традиции — грузинскую, сирийскую, армянскую, коптскую и другие.

Источниковую базу исследования составляют греческие рукописи и фрагменты VIII–IX веков из Палестины и Египта. Основная часть этих памятников хранится в библиотеке монастыря святой Екатерины на Синае и Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Хронологические рамки обусловлены тем, что к IX веку Новый Тропологий окончательно сформировался, и именно к этому периоду относится преобладающее число сохранившихся рукописных свидетельств.

Ключевым памятником выступает Тропологий — Sin. Gr. NF MG 5+56 IX века. Диахронно я сопоставляю его с Древним Тропологием, по изданиям Ш. Рену и С. Шумейкера. Синхронно я анализирую фрагменты, отобранные для ядра

⁸ Taft, R., F. Anton Baumstark's Comparative Liturgy Revisited // Comparative liturgy fifty years after Anton Baumstark (1872–1948): Acts of the International Congress, Rome, 25–29 September 1998 [OCA 265]. Rome: PIO, 2001. P. 191–232.

исследования: Sin. Gr. NF MG 4 (IX в.), РНБ Греч. 29 (VIII в.), РНБ Греч. 87 (VIII в.) и другие. Контекстно я сравниваю Sin. Gr. NF MG 5+56 с памятниками ранней иерусалимской традиции, созданными в соответствии с уставом храма Воскресения в Иерусалиме: с иерусалимским Лекционарием — в его армянской версии (417–439 гг.), по изданию Ш.Рену⁹, и грузинской версии (V–VIII вв.), по изданию М. Тархнишвили¹⁰, а также с Codex Sinaiticus Liturgicus, или РНБ Греч. 44¹¹.

5. Научная новизна

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на широкой источниковедческой базе дано комплексное описание древнейшего памятника византийской гимнографии — Нового Тропология, оказавшего определяющее влияние на становление византийской гимнографической системы. В анализ вовлечены более тридцати ранее не известных греческих рукописных сборников VIII–IX веков.

6. Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость работы заключается в целостном описании ключевого памятника византийской гимнографической книжной культуры — Нового Тропология. Установление его системообразующей роли в становлении и функционировании византийской гимнографии и таксономии памятников литургико-гимнографической письменности позволяет критически пересмотреть сложившийся подход к изучению византийской гимнографии, основанный на константинопольской парадигме — книжной системе, сформировавшейся в Константинополе в IX веке, — и расширить ее географические и хронологические горизонты.

К теоретическим достижениям следует также отнести разработку и эффективное применение инновационного подхода к анализу рукописных памятников византийской гимнографии, а именно сочетание историко-филологического и сравнительно-литургического подходов в исследовании средневековой христианской литургико-гимнографической книжности.

Практическая значимость исследования заключается в возможном использовании его результатов при разработке учебных курсов по истории

⁹ Renoux, Ath. Le codex arménien Jérusalem 121. T. II (Édition comparée du texte et de deux autres manuscrits. Introduction, textes, traduction et notes). [PO. T. 36. F. 2. №168]. Turnhout, 1971.

¹⁰ Le Grand Lectionnaire de l'Église Jérusalem (V^e–VIIIe), ed. M. Tarchnischvili. Louvain: Secrétariat Général du CSCO, 1959. T. I. [CSCO. Vol. 189. Scriptores iberici. T. 10].

¹¹ Nikiforova, A., Chronz, T. The Codex Sinaiticus Liturgicus Revisited: A New Edition and Critical Assessment of the Text // Orientalia Christiana Periodica. 2017. Vol. 82. P. 59–125.

византийской литературы и греческого языка византийского периода, а также по истории византийской культуры и литургике. В приложении к диссертации опубликованы гимнографические тексты, которые служат иллюстрацией теоретических положений и вспомогательным материалом для учащихся и исследователей, не являющихся специалистами в византистике, но желающих освоить греческую христианскую литургическую письменность. Описание типологии Нового Тропология, выявление его списков среди «новых находок» на Синае, а также в РНБ позволят исправить ошибочные атрибуции в каталогах мировых хранилищ.

7. Основные положения, выдвигаемые на защиту:

1. Тропологий имел системообразующее значение в истории развития поэтико-литургической системы византийской гимнографии и занимал центральное место в корпусе гимнографических книг Византии.

2. Генезис византийской гимнографической книжности осуществлялся от основного сборника иерусалимской традиции храма Воскресения — Древнего Тропология (V–VII вв.) — через Новый Тропологий (VII–IX вв.) к константинопольским гимнографическим книгам: Минее, Триоди и повседневному Октоиху (IX в.). Генетическая преемственность константинопольских книг по отношению к прототипу проявилась в сохранении микро- и макроструктур, репертуара и поэтики при типологическом расхождении с Тропологием.

3. Типология книжного типа Тропологий определялась безусловными (характерными для всех без исключения памятников) и факультативными (свойственными определенной группе рукописей) чертами. К первой группе отнесены: универсальная композиция, объединяющая минейный, триодный, седмичный циклы и приложение так называемых «общих» текстов; корреляция с иерусалимским литургическим календарем и иерусалимским Лекционарием (сборником библейских чтений); иерусалимская система макро- и микроструктур, а также применение системы осмогласия. Ко второй группе отнесены корреляция с иерусалимской литургией апостола Иакова и наличие специфических гимнов для ее совершения, зафиксированные в Древнем и греческой версии Нового Тропологиях.

4. Среди гимнографических рукописей VIII–IX веков из собрания монастыря святой Екатерины на Синае, Российской национальной библиотеки, библиотеки Джона Райлендса в Манчестере, Венской национальной библиотеки, а также монастыря Кастеллион в Иудейской пустыне идентифицировано 24 фрагмента Нового Тропология: Sin. Gr. 591, РНБ Греч. 29 и 87, Sin. Gr. NF MG 4, 80, 83, 91, 90, 94, 120, и др. Из них Sin. Gr. 591 представляет классический полный вариант, Sin. Gr. NF MG 91 — краткий, а Sin. Gr. NF MG 4, 37, 80 — фрагменты особого состава. Самоназвание «Тропологий» зафиксировано в Sin. Gr. NF MG 56+5 и во фрагменте из монастыря Кастеллион.

5. Специфические черты нового Тропология Sin. Gr. NF MG 56+5 позволяют локализовать данный памятник в Нижнем Египте. К их числу относятся зортологические особенности: включение гимна, исполняемого у гробницы преподобного Арсения Великого (чьи мощи покоились в Туре, вблизи Каира); корпус текстов на память мученика Филофея Антиохийского, почитавшегося в монастыре Дейр-Суриани в Вади-Натруне; локальное последование на землетрясение 749 года, наиболее сильно затронувшее регион Дамьетты; особое почитание архангела Михаила 6 июня, а также именование апостола Марка «нашим градодержцем». Дополнительным текстологическим маркером выступает интерполяция гимна κατὰ στίχων в канон великого вторника. Присутствие гимнов литургии апостола Иакова свидетельствует об архаичности состава кодекса, а наличие чинов освящения мира и умовения ног указывает на его кафедральный характер.

6. Наличие гимнографического корпуса авторов VII–VIII веков (Андрея Критского и Германа, патриарха Константинопольского), созданного для столичных праздников, упоминание Феодором Студитом о принадлежавшем ему Тропологии, а также сохранение самоназвания «Тропологий» в позднейших константинопольских Минее, Триоди и повседневном Октоихе позволяют предположить распространение иерусалимской гимнографической традиции и данного сборника за пределами Иерусалимского патриархата. Это дает основания говорить о формировании его региональных изводов не только для Сина и Нижнего Египта, но и для Малой Азии и Константинополя.

7. Новый Тропологий служил источником гимнографического материала для региональных вторичных сборников: в частности, Тропологий типа Sin. Gr. NF MG 56+5 был использован при составлении Лекционария РНБ Греч. 44 IX века, из которого переписчик заимствовал двенадцать гимнов.

8. Сборник Sin. Gr. NF MG 62 не имеет прямой генетической связи с Новым Тропологием. На основании палеографических и содержательных данных, в совместной работе с Джулией Розетто, рукопись была передатирована с IX на XIII–XIV века и соотнесена с монофизитской традицией дельты Нила (в юрисдикции Коптского патриархата), точнее — с монастырем Энатон под Александрией и переносом его богослужебной практики после упразднения обители в Скит Нитрийской пустыни. Сборник отличают особая структура, использование метрической поэзии и отсутствие связи между гимнами и лекционарными перикопами, что нехарактерно для иерусалимской гимнографической школы, ориентированной на силлабо-тоническую систему и зависимой от иерусалимского Лекционария. Вместе с тем, в состав рукописи включены отдельные тексты, восходящие к Новому Тропологию.

9. Поскольку гимнографические памятники создавались для практического использования в богослужении, их типологию, содержание и поэтику определяли литургические законы. Вследствие этого применение методов историко-сравнительной литургики в качестве вспомогательного инструмента является

необходимым условием корректного анализа данного типа средневековых рукописей.

8. Апробация результатов

Результаты исследования были апробированы на международных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Регенсбурге, Белграде, Салониках, Ереване, Лондоне, Вашингтоне, а также на заседаниях Отдела античной литературы ИМЛИ РАН, научных семинарах Научного центра истории богословия и богословского образования Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Санкт-Петербургской Духовной академии. Основные положения работы были представлены в виде публикаций научных статей (см. список публикаций).

Результаты исследования учитываются в курсах, читаемых автором диссертации в докторантуре им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Московской Духовной Академии, Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете: «История византийских гимнографических книг», «Византийская гимнография», «Литургическая поэзия: теория и практика», на курсах повышения квалификации, а также на научных семинарах, регулярно проводимых автором в Университете Регенсбурга в период с 2022 по 2025 год.

9. Структура диссертации

Работа состоит из введения, пяти глав и приложений. Приложения содержат 1) словарь гимнографических терминов, 2) таблицы, 2) переводы гимнографических текстов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель, задачи и основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** проанализирована историография изучения Древнего и Нового Тропология. На основе сохранившихся грузинских переводов старшей редакции памятника описан начальный этап его возникновения и подготовлена основа для реконструкции эволюции Тропология через привлечение нововывявленных греческих списков младшей редакции и установления его системообразующего значения для истории гимнографической книжности Византии.

1. История исследований Древнего и Нового Тропология

Старшая редакция Тропология, или Древний Тропологий, сохранился исключительно в грузинском переводе греческого оригинала. Уникальный папирусно-пергаментный кодекс, состоящий из 313 листов, был привезен из лавры

Саввы Освященного в 1850 году епископом Порфирием (Успенским) в Санкт-Петербург и поступил в Императорскую публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека, РНБ). При первичной обработке рукопись была переплетена в три книги с ошибочной надписью *Codex aethiopicus parurgaseus* и получила шифр ПБ Груз. № 11. Подлинная природа памятника была раскрыта в 1883 году, когда епископ Порфирий продемонстрировал рукопись А. А. Цагарели. Последний не только убедительно доказал ее грузинскую, а не эфиопскую принадлежность, но и позднее привлек внимание научной общественности к кодексу в своем фундаментальном издании «Памятники грузинской старины». Вслед за этим К. С. Кекелидзе выполнил описание рукописи и перевел отдельные ее гимнографические тексты на русский язык в рамках своей кандидатской диссертации, защищенной в 1904 году под руководством А. А. Дмитриевского¹².

В 1923 году кодекс был перевезен в Тбилиси и передан в Институт рукописей, где получил новый шифр — Н 2123. Первое полное критическое издание рукописи Н 2123 было подготовлено в 1977 году А. Г. Шанидзе совместно с А. Г. Мартиросовым и А. М. Джишашвили¹³. Спустя три года, в 1980 году, вышло в свет исправленное и дополненное издание, подготовленное Е. П. Метревели, Ц. А. Чанкиева и Л. М. Хевсуриани¹⁴. При его подготовке были учтены грузинские списки, обнаруженные ранее Н. Я. Марром и Ж. Гариттом в собрании монастыря святой Екатерины на Синае (Sin. Geo. 18, 20, 26, 34, 40 и 41). В последующие годы были выявлены и дополнительные фрагменты (Sin. Geo. NF MG 29, 36–39, 54, 74 и 96), что позволило расширить текстологическую базу памятника.

Период между 2000 и 2025 годами ознаменовался появлением комментированных переводов Древнего Тропология на основные европейские языки. В 2000 году Ш. Рену издал перевод воскресных песнопений на французский язык по синайским рукописям¹⁵, а спустя десять лет дополнил его еще пятью манускриптами Sin. Geo. 20, 26, 34, 40 и 41)¹⁶. В основе перевода

¹² Кекелидзе К. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис: тип. «Братство», 1908. XXXI, [5], 515, XIII с.: 26. С. 350–372.

¹³ Папирусно-пергаменная Минея / Изд. и иссл. А. Шанидзе, А. Мартиросова, А. Джишашвили; под ред. А. Шанидзе. Тбилиси, 1977.

¹⁴ Древнейший Иадгари / Изд., иссл., указат. Е. П. Метревели, Ц. А. Чанкиева, Л. М. Хевсуриани. Тбилиси: Мецниереба, 1980.

¹⁵ Renoux, Chr. Les Hymnes de la Résurrection. I. Hymnographie liturgique géorgienne. Textes du Sinaï 18. Paris: Éd. du Cerf, 2000 [Sources liturgiques 3].

¹⁶ Idem. Les Hymnes de la Résurrection. II. Hymnographie liturgique géorgienne. Texte des manuscrits Sinaï 40, 41 et 34. Turnhout, Belgique: Brepols, 2010 [Patrologia Orientalis. T. 52. F. 1. № 231]; Idem. Les Hymnes de la Résurrection. III. Hymnographie liturgique géorgienne. Introduction,

гимнографии неизменяемых праздников, выполненного Ш. Рену, лежит рукопись Н 2123, которая, будучи древнейшей и принадлежа к монастырской традиции иерусалимского обряда, сохранила наиболее насыщенные гимнами формуляры¹⁷. Отдельные гимны и службы на основании рукописей Sin. Geo. 18, 20, 26, 34, 40 и 41 были изданы в конце томов в качестве дополнений, а также в заключительном томе в 2025 году¹⁸.

Для своего перевода на английский язык С. Шумейкер избрал рукопись Sin. Geo. 18 (X в.). Вслед за Ш. Рену исследователь пришел к выводу, что именно этот кодекс наиболее точно отразил практику кафедрального богослужения Иерусалимской Церкви до персидского завоевания 614 года¹⁹. Данная рукопись содержит меньше праздников и гимнов, чем Н 2123, однако для сравнительного анализа исследователь привлек Н 2123 и Sin. Geo. 40, в которых отчетливо прослеживаются следы адаптации кафедрального чина к монастырскому обиходу.

Перевод избранных гимнов литургии апостола Иакова на латинский язык представлен в монографии 1970 г. Х. Лееба²⁰.

В 2004 году Х. –М. Шнайдер перевел последования на Благовещение, Рождество, Богоявление и его октаву из Древнего Тропология на немецкий язык²¹.

Несмотря на обнаружение рукописи еще в XIX столетии, фундаментальное комплексное исследование памятника было осуществлено лишь в 1984 году в

traduction, annotation des manuscrits Sinaï 26 et 20 et index analytique des trois volumes. Turnhout, Belgique: Brepols, 2010. P. 309–432 [Patrologia Orientalis. T. 52. F. 2. № 232].

¹⁷ Renoux, Chr. L'Hymnaire de Saint-Sabas (Ve–VIIIe siècle): Le Manuscrit Géorgien H 2123: II. De la Nativité de Notre Seigneur Jésus-Christ au Samedi de Lazare. Introd., trad., notes. Turnhout, Belgique, 2021 [Patrologia Orientalis. T. 58. F. 2. №254]; Idem. L'hymnaire de Saint-Sabas (Ve–VIIIe siècle): Le manuscrit géorgien H 2123. II. De la nativité de Jean-Baptiste à la liturgie des défunts [Patrologia Orientalis. T. 237. F.3. № 53]. Turnhout, 2015; Idem. L'Hymnaire de Saint-Sabas (Ve–VIIIe siècle): Le manuscrit géorgien H 2123. I. Du Samedi de Lazare à la Pentecôte, Turnhout, 2008 [Patrologia Orientalis. T. 50. F.3. №224]. Также см. статьи: Renoux, Chr. Une hymnographie ancienne en géorgien conservée en géorgien / L'Hymnographie. Conférences Saint-Serge XLVIe Semaine d'Etudes Liturgiques. Rome, 2000. P. 137–151; Idem. Hymnographie géorgienne ancienne et hymnaire de Saint-Sabas (Ve–VIIIe siècle) // Irénikon. 2007. Vol. 80. P. 36–69; Idem., Les hymnes du Iadgari pou la fête de l'apparation de la croix le 7 mai // Studi sull' Oriente Cristiano. 2000. Vol. 4. P. 93–102.

¹⁸ Renoux, Chr. L'Hymnaire de Saint-Sabas (Ve–VIIIe siècle): Le Manuscrit Géorgien H 2123: IV, complements. Turnhout, Belgique, 2025 [Patrologia Orientalis. T. 59. F.4. №259].

¹⁹ Shoemaker, S. The First Christian Hymnal: The Songs of the Ancient Jerusalem Church Brigham Young University Press, 2018.

²⁰ Leeb, H. Die Gesänge im Gemeindegottesdienst von Jerusalem vom 5. bis 8. Jahrhundert [=WBTh 28]. Wien, 1970.

²¹ Schneider, H., M. Lobpreis im rechten Glauben. Die Theologie der Hymnen an den Festen der Menschwerdung der alten Jerusalemer Liturgie im Georgischen Udzevesi Iadgari. Bonn, 2004.

кандидатской диссертации Л. М. Хевсуриани «Структура древнейшего грузинского Тропология»²². Исследовательница впервые выделила тип раннего грузинского гимнографического сборника — Иадгари, выявила его ранее не известные списки и установила, что под этим названием в богослужебной практике Грузинской Православной Церкви, следовавшей Иерусалимскому уставу, с конца VII по XI век использовался именно Древний Тропологий. Л. М. Хевсуриани доказала, что памятник являлся единственным универсальным гимнографическим сводом своего времени в Грузии, охватывавшим весь литургический год и объединявшим минейный, триодный и октоишный материал. Кроме того, ей были описаны механизмы формирования «общей» гимнографии и доказана прямая зависимость ранней иерусалимской гимнографии от лекционных чтений.

Значительное внимание в науке было привлечено к гимнографии литургии апостола Иакова. Помимо классической монографии Х. Лееба, существенный вклад внесли исследования Р. Тафта, реконструировавшего историю гимнографии великого входа и причащения, и Ш. Рену, исследовавшего гимны на перенос святых даров в октоишной части Древнего Тропология.

Полноценное изучение Нового Тропология стало возможным благодаря синайской находке 1975 года, когда в ходе ремонтных работ в северной стене монастыря святой Екатерины архимандрит Софроний обнаружил тайник, заполненный рукописными томами и фрагментами, вышедшими из употребления. Коллекция, получившая название «новые находки» (New Finds / Νέα εὐρήματα), включает 55 папирусов и 1148 пергаментных кодексов и фрагментов IV–XIX веков на различных языках. Из-за сложной геополитической обстановки доступ иностранных ученых к манускриптам был первоначально ограничен, а первые описи появились лишь в конце 1990-х годов. Ситуация изменилась в последние два десятилетия благодаря оцифровке коллекции, осуществленной при содействии архимандрита Иустина.

Исследование литургико-гимнографической части «новых находок» на греческом языке С. Паренти, С. Фрэйсховом, Х. Бракманном, Х. Бухингером, Т. Хронц, Р.Н. Кривко, иереем Михаилом Желтовым, Г. Рэдлем, Д. Галадзой и другими выявило большое число источников ранней иерусалимской традиции, которые ранее были известны науке преимущественно по армянским и грузинским переводам.

В 2000 году С. Фрэйсхов идентифицировал среди «новых находок» греческий фрагмент Нового Тропология, объединив два фрагмента — Sin. Gr. NF

²² Хевсуриани Л. Структура древнейшего грузинского Тропология. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1984.

MG 56 и Sin. Gr. NF MG 5 — в один кодекс (далее — MG 56+5)²³. Первая работа, привлекающая данные этого кодекса для описания архаичных элементов в славянских гимнографических рукописях, принадлежит Р. Н. Кривко (2008)²⁴.

Начиная с 2012 года автором диссертации систематически проводятся исследования структуры, типологии и поэтики Нового Тропология в контексте становления иерусалимской школы византийской гимнографии. К наиболее значимым результатам относятся: сравнительное исследование греческой, сирийской и грузинской версий (совместно со С. Фрэйсховым и Н. С. Смеловой); аналитическое сопоставление палестинских и непалестинских особенностей, доказавшее происхождение сборника с Синайского полуострова или из Нижнего Египта (совместно с Т. Хронц); издание гимнографии великого поста с переводом на английский язык (совместно с Г. Такером и С. Бауэром); публикация ближневосточных чинов освящения мира и умовения ног; исследование гимнов литургии апостола Иакова (см. список публикаций).

В 2018 году вышла монография болгарского музыковеда С. Куюмджиевой, в которой термин «Тропологий» неоправданно расширяется до обозначения всего корпуса гимнографических книг Византии²⁵. Из-за недостаточного понимания историко-литургического контекста и незнания таксономии литургико-гимнографических книг, исследовательница исказила ряд положений, подменив, например, указание на халкидонскую литургическую среду Александрийского патриархата географической локацией в Халкидоне. В 2024 году Х. Бухингер опубликовал развернутую критическую рецензию, указав на дискуссионный характер концепции Куюмджиевой и поместив рукописные свидетельства Тропология в корректный историко-литургический контекст²⁶.

Параллельно с текстологами Тропологий изучают музыковеды (К. Троельсгор, Ф. Букка, П. Джеффри, М. Александру) в связи с попытками реконструкции ранневизантийской нотации. Развивается и направление анализа переводов Нового Тропология: грузинский перевод исследуется Т. Девидзе, а

²³ Τὰ νέα εὐρήματα. Σ. 142, 150; Géhin, P., Frøyshov, S. Nouvelles découvertes sinaïtiques: à propos de la parution de l'inventaire des manuscrits grecs // *Revue des études byzantines*. 2000. Vol. 58. P. 167–184.

²⁴ Кривко Р.Н. Синайско-славянские гимнографические параллели // *Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология*. 2008. № 1/11. С. 56–102.

²⁵ Kujumdzieva, S. *The Hymnographic Book of Tropologion Sources, Liturgy and Chant Repertory*. Routledge, 2018.

²⁶ Buchinger, H. Perspectives On the Early Hagiopolite Tropologion (A Response to Peter Jeffrey and Svetlana Kujumdzieva) // *Plainsong and Medieval Music*, 34, 1. P. 33–43 (<https://epub.uni-regensburg.de/76885/1/perspectives-on-the-early-hagiopolite-tropologion-a-response-to-peter-jeffery-and-svetlana-kujumdzieva.pdf>).

сирийская версия, прежде всего, по рукописи Sin. Syr. 48 (X в.) — Н. С. Смеловой и А. А. Лукашевичем.

2. Название сборника: Тропологий / Иадгари

Первые исследователи Древнего Тропология сталкивались с трудностями его типологической атрибуции. А. А. Цагарели в 1888 году определил кодекс как «праздничную Минею», однако К. С. Кекелидзе обоснованно оспорил этот термин, указав на наличие в рукописи Постной и Цветной Триодей, и предложил название «папирусно-пергаментный Стихирарь».

Термин «Тропологий» (от *τρόπος* — образец, собрание гимнографических образцов) был введен в научный обиход П. И. Ингороквой и впоследствии закреплен А. Г. Шанидзе и Л. М. Хевсуриани. Использование грузинскими учеными греческого термина наряду с исконным названием «Иадгари» было обусловлено пониманием того, что памятник представляет собой перевод с греческого прототипа. Этимологически слово «Иадгари» восходит к среднеперсидскому *ayad* («память», «воспоминание») с грузинским суффиксом *-gar*, что указывает на сборник песнопений, приуроченных к церковным «памятям» года. Терминологическая эквивалентность понятий подтверждается припиской в рукописи Sin. Iber. 11 (X в.): «Иадгари – Трополоджин».

Окончательное подтверждение терминологической гипотезы грузинских исследователей произошло после открытия в 1975 году греческого оригинала. В колофоне рукописи Sin. Gr. NF MG 56+5 зафиксировано: «С [помощью] Божией Тропологий (Τροπολόγιον) всех святых праздников на весь год, согласно канону святой [церкви] Воскресения Христа, Бога нашего». Аналогичное наименование засвидетельствовано в пергаментном фрагменте из Хирбет-эль-Мирда в Иудейской пустыне (позднее — монастырь Кастеллион святого Саввы). Этот памятник, хранящийся в фондах Палестинского археологического музея (ныне Музей Рокфеллера) и библиотеки Лувенского католического университета, содержит надпись: «Тропологий (Τροπολόγιον), с [помощью] Божией по уставу [церкви] Воскресения Христа Бога»²⁷.

3. Происхождение и генезис Тропология

Специфика Тропология определялась конкретной богослужебной практикой, в среде которой он формировался, — иерусалимской литургической традицией, центром которой являлся храм Воскресения Христова.

Импульсом к развитию иерусалимского чина послужило строительство храмового комплекса на Голгофе и у Гроба Господня при императоре

²⁷ Chronz, T. Das griechische Tropologion-Fragment aus dem Kastellion-Kloster und seine georgischen Parallelen // *Oriens Christianus*. 2008. T. 92. S. 113–118.

Константине Великом. «Дневник» паломницы Эгерии (IV в.) описывает непрерывное молитвенное пребывание верующих, литургические процессии и бдения, ставшие основой гимнографической традиции.

В V веке возник годовой регламент храма Воскресения — Лекционарий, кодифицировавший стациональный обряд. Старшая редакция сохранилась в армянском переводе (Армянский Лекционарий, 417–439 гг.), где присутствовали лишь отдельные респонсорные псалмы и аллилуарии. Младшая редакция (V–VIII вв.), дошедшая в грузинском переводе (Грузинский Лекционарий), отражает изменения VI–VII веков (разделение праздников Рождества и Крещения, установление Благовещения, Преображения и Крестовоздвижения). Помимо лекционарных элементов, она включает гимнографию для литургии апостола Иакова и праздничной вечерни. Обилие топонимов (Голгофа, Сион, храм Воскресения) в обеих редакциях подтверждает их использование именно в Иерусалиме для совершения стациональных богослужений.

Гипотеза К. И. Кекелидзе и Л. М. Хевсуриани о выделении Тропология из состава Лекционария подтверждается структурой всенощных бдений и особых чинов. Решающим фактором обособления памятника стало накопление корпуса монострофов и появление новых форм (стихир, многопесенного канона). С утверждением канона на утрени гимнографический материал был извлечен из Лекционария и лег в основу самостоятельного Тропология.

Древний Тропология (IV–VII века) включал гимны для вечерни, утрени и литургии апостола Иакова, октоишный материал и «общие» последования. Основная рукопись Н 2123 (IX–X вв.) отражает монастырский обряд лавры Саввы Освященного и демонстрирует отход от городской стациональной организации: опущены рубрики, неприменимые вне кафедрального храма.

Несмотря на физическую датировку списка Н 2123 IX веком, время формирования его состава определяется не ранее середины VI века (реформы императора Юстиниана 560-х годов, развитие системы осмогласия). Архаичный обычай начинать год праздником Благовещения и песнопения, посвященные почитанию креста (после возвращения реликвии Ираклием в 629/630 гг.), дополнительно подтверждают эту хронологию, позволяя ее расширить до VII века. Многослойность памятника допускает включение гимнов из иных литургических центров (например, Антиохии). Текстовые совпадения с армянским Шараканом документируют общую топографию Святого города.

К началу VII века Древний Тропология начинает утрачивать актуальность. Рукопись Sin. Geo. 34 (965 г.), переписанная Иоанном Зосиме, структурно разграничивает «древние» и «новые» гимны, фиксируя переходный этап. Ключевой фигурой перехода исследователи считают патриарха Софрония Иерусалимского († 638).

Предпосылки создания новой редакции сложились внутри самого Древнего Тропология и были обусловлены тремя факторами:

1) Календарно-репертуарным: дисбалансом между развитой системой Лекционария и ограниченным составом Древнего Тропология, где многие службы совершались по «общим» чинам;

2) Композиционным: неоднородностью сборника, накапливавшего разнородные тексты на протяжении веков;

3) Интерпретационно-художественным: необходимостью повышения богословского и поэтического уровня текстов, которые ранее часто представляли собой простейшие парафразы лекционарных чтений.

Эти задачи совпали с исторической катастрофой: после разрушения Иерусалима персами (614 г.) и арабского завоевания (638 г.) монахи лавры Саввы Освященного восполнили оскудевший иерусалимский клир. Именно в этот период в Иерусалиме оказались одаренные поэты монахи Иоанн, более известный как Дамаскин, и Косма, более известный как Маюмский, благодаря которым была осуществлена переработка Тропология. Творчество этих гимнографов ознаменовало расцвет иерусалимской традиции. Косма получил пальму первенства уже в Византии (его каноны исполнялись в самые дни праздников), однако объем гимнографии Иоанна был значительно больше.

В Новый Тропология (VII–X века) вошло лишь единичные древние песнопения (включая самогласны великой пятницы, отдельные гимны Рождества, Богоявления, Пасхи). Авторы VII–VIII веков почти полностью обновили репертуар, сохранив типологию книги. Пополнение сборника продолжалось в IX веке Андреем Слепцом, Стефаном Савваитом, патриархом Илией II. Монашеское происхождение авторов и мест хранения рукописей (монастырь св. Екатерины, лавра Саввы Освященного) опровергает теорию о «настороженном отношении» монашества к гимнам и подтверждает тезис о размытости границ между городским и монастырским богослужением.

4. Заключение к первой главе

1. Древний Тропология сохранился исключительно в грузинских рукописях IX–XI веков. Его исследование насчитывает более ста лет. За это время подготовлено несколько изданий, выполнены переводы на французский, английский и частично немецкий языки, выявлены следующие параметры памятника:

- Сборник регламентировал гимнографическое оформление богослужения в Иерусалимском патриархате и на территориях, находившихся в литургической зависимости от него (Египет, Сирия, Грузия), по крайней мере, между VII и X веками, а в периферийных областях — вплоть до XI века.

- Памятник формировался в русле иерусалимской литургической традиции, прежде всего, кафедрального храма Воскресения Христова, которая определяла специфику его структуры и состава.

- Сборник возник в составе иерусалимского Лекционария и выделился из него с появлением многопесенного канона, сохранив при этом генетическую связь с прототипом.

- Списки отличаются значительной вариативностью и фиксируют не только кафедральную, но и монастырскую (лавры Саввы Освященного) редакцию. Для последней характерны расширенный гимнографический репертуар, рассчитанный на более продолжительные последования, отказ от рубрик кафедрального чина, не применимых в монастырской практике.

- Древний Тропологий содержит гимнографический репертуар на полный литургический год, а время формирования его основного состава датируется периодом до начала VII века, когда начался постепенный переход к Новому Тропологию.

2. Первые исследования Нового Тропология, начатые в XXI столетии, показали, что этот сборник:

- Сохранился в оригинале на греческом языке, а также в переводах на грузинский и сирийский языки;

- Обнаружен в греческих рукописях VIII–X веков, то есть более раннего времени, чем грузинские списки перевода Древнего Тропология (несмотря на то, что последние по содержанию отражают более архаичную стадию); данный факт подтверждается сведениями «Doctrina patrum» о постепенном характере смены редакций;

- Фигура патриарха Иерусалимского Софрония знаменует собой начало перехода к Новому Тропологию, основную роль в разработке которого сыграли монахи Косма и Иоанн Иерусалимские; гимнографический состав памятника датируется VII–IX веками;

- в рамках младшей редакции сборник претерпевает полное обновление, сохраняя при этом генетическую преемственность и типологическую связь со старшей редакцией.

Во второй главе «Рукописная традиция Нового Тропология» проведен комплексный анализ корпуса гимнографических фрагментов VIII–IX веков, происходящих из библиотеки монастыря святой Екатерины на Синае (включая материалы «новых находок» 1975 года), а также аналогичных фрагментов и папирусов из фондов Российской национальной библиотеки и других. Ввиду того, что большинство рукописей данного периода сохранилось в виде отдельных листов или фрагментов, реконструкция их первоначального состава и типологии опирается на сравнительно-типологический анализ с полными греческими, грузинскими и сирийскими списками.

1. Комплексный анализ основного источника Sin. Gr. NF MG 56+5

Центральное место в главе занимает детальное кодикологическое и палеографическое описание ключевого для изучения Нового Тропология кодекса Sin. Gr. NF MG 56+5 (245 листов). Анализ колофона и рубрик подтверждает, что

он следует иерусалимскому чину храма Воскресения Христова и охватывает гимнографический материал от навечерия Рождества Христова до памяти праведного Иосифа Аримафейского, включая последования подвижного годового круга.

Исследование графических особенностей выявило наличие специфической ранневизантийской нотации, бытовавшей в христианских общинах Синая и Египта. Она подразделяется на «синайский» тип, характеризующийся использованием знаков острого, тупого и облеченного ударений, допускающий наличие двух или трех знаков над одним словом, и «региональный» («египетский») тип, представляющий собой разновидность «нотации дипли» и близкий к «ермупольской нотации».

В рукописи сохранилось около ста маргиналий, выполненных более чем десятью руками на греческом и арабском языках. Присутствие арабских пометок, исправлений и литургических ремарок свидетельствует о практическом использовании кодекса арабоязычными христианами-мелькитами в условиях многоязычной среды. Их содержание отражает как адаптацию иерусалимского чина для кафедрального собора в Нижнем Египте, так и первые признаки воздействия константинопольской традиции на жизнь данной христианской общины.

Кодекс отличается достаточно высоким уровнем грамотности, однако в ошибках, зафиксированных в маргиналиях и региональных последованиях, прослеживаются языковые особенности, находящие прямые параллели в изданных папирусах из Египта.

2. Атрибуция и датировка фрагментов

Значительный объем главы посвящен систематизации и атрибуции фрагментов, генетически близких к традиции Нового Тропология. Материал разделен на две группы: рукописи, представляющие календарную часть (неподвижный круг праздников и подвижный годичный цикл), и рукописи, содержащие октоишный материал и приложения с «общими» текстами.

Впервые на широком палеографическом материале применена система датировки греческих унциальных кодексов, разработанная Б. Л. Фонкичем, что позволило скорректировать датировки 17 кодексов из каталога П. Николопулоса в сторону более раннего времени (VIII — первая треть IX в.). Установлено, что к сиро-палестинскому региону относятся кодексы, исполненные почерком *scriptura mista* и *minuscula agiopolita* (иерусалимский минускул).

Календарный и языковой анализ фрагментов позволил выделить группу рукописей египетского происхождения. Их региональная специфика подтверждается культовыми особенностями (почитание местных святых, включение в диптихи Иоанна Предтечи как «мученика») и специфическими языковыми чертами, находящими подтверждение в египетских папирусах.

Особое внимание уделено греко-грузинскому палимпсесту РНБ Греч. 7. Присутствие в нем гимнографии Космы Маюмского позволяет утверждать, что датировка нижнего текста палимпсеста V веком требует пересмотра: содержание памятника исключает возможность его создания ранее VII века.

3. Дополнительные контекстные источники

В главе также рассмотрены литургико-гимнографические сборники, типологически не связанные напрямую с Новым Тропологием, но важные для понимания общей гимнографической культуры региона.

Кодекс РНБ Греч. 44, ранее введенный в научный оборот Ж. Б. Тибо как *Codex Sinaiticus liturgicus*, представляет собой Лекционарий иерусалимского типа. Кодекс содержит три слоя текста: нижний — основной греческий текст с арабскими переводами рубрик, сделанными одновременно с созданием рукописи; средний — арабские записи о рождении и крещении детей арабоязычной мелькитской семьи в XI веке; верхний — греческие интерполяции XIII–XV веков. Структура литургических последований РНБ Греч. 44 соответствует чину литургии апостола Иакова, что свидетельствует о продолжении использования кодекса в период высокого арабского влияния.

Совместно с Дж. Розетто на основании палеографических и кодикологических признаков Sin. Gr. NF MG 62 была передатирована с IX века на XIII–XIV века. Установлено, что MG 62 представляет собой многофункциональную монофизитскую (коптскую) коллекцию из Скита Нитрийской пустыни. Рукопись включает воскресный мелькитский Октоих, диаконские прошения с поминовением монофизитских святых и гимны κατὰ στίχων. Девять пометок на арабском языке свидетельствуют о том, что рукопись использовалась в богослужебной практике арабоязычной или коптской общины, где знание греческого языка было ограничено, но традиция служить по-гречески сохранялась. Данный кодекс доказывает, что общины Скита могли совершать отдельные части богослужения на греческом языке, используя смешанный мелькито-монофизитский репертуар.

4. Заключение к второй главе

1. В рамках данной главы проанализировано 27 рукописных гимнографических списков VIII–IX веков из собраний монастыря святой Екатерины на Синае, Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (в основном привезенных с Синае Константином Тишендорфом), фрагмент из монастыря Кастеллион, папирусы из Вены и библиотеки Джона Райлендса в Манчестере.

2. Из них 24 списка возможно ассоциировать по типологическим характеристикам с Новым Тропологием, который по числу списков является основным гимнографическим сборником на греко-христианском Востоке в это время. Sin. Gr. NF MG 4, 37, 49, 52, 58, 80, 82, 84, 88, 91, 94, РНБ Греч. 7, 29, 87,

Sin. Gr. 591, фрагмент из монастыря Кастеллион в Иудейской пустыне представляют календарную часть Нового Тропология. Sin. Gr. NF MG 24, 29, 83, 90, 99, 120 — октоишную и приложения с общими текстами.

3. Три рукописи — Sin. Gr. NF MG 15, 59, 62 — типологически не связаны с Новым Тропологием. Кодексы содержат смешанный евхологический и гимнографический материал, включая гимны *κατὰ στίχων*, и представляют региональные, в том числе монофизитские (MG 62), коллекции.

4. На основании системы датирования унциальных рукописей, предложенной Фонкичем, уточнена датировка 17 кодексов из каталога Николопулоса в сторону более раннего времени: Sin. Gr. NF MG 15, 24, 29, 49, 52, 56+5, 80, 82, 83, 84, 88, 90, 91, 99, РНБ Греч. 7, 29, 87. Скорректирована атрибуция 18 рукописей как принадлежащих к типу Нового Тропология: Sin. Gr. NF MG 37, 49, 52, 88, 80, 82, 91, 94, Sin. Gr. 591, Sin. Gr. NF MG 15, 24, 29, 83, 90, 99, РНБ Греч. 29, 87. К древнейшим образцам Нового Тропология следует отнести фрагменты РНБ Греч. 29 и 87.

5. К рукописям с наиболее высоким уровнем грамотности и аккуратностью письма относятся Sin. Gr. NF MG 49, 83, 84, 91, 120, РНБ Греч. 29, РНБ Греч. 87, Sin. Gr. 591. При этом кодексы Sin. Gr. NF MG 37, 83, 84, 91, 120, РНБ Греч. 87 исполнены почерком сиро-палестинского происхождения — *scrittura mista*, а Sin. Gr. 591 — письмом *minuscola agiopolita*. Наибольшее количество ошибок фиксируется в региональных кодексах Sin. Gr. NF MG 4, 15, 37, 58, 62, 80, 94.

6. По составу, аналогично Древнему Тропологию, в корпусе Нового Тропология выделяются классический полный тип, представленный, например, в Sin. Gr. NF MG 56+5, и краткий тип на основные праздники, зафиксированный в Sin. Gr. NF MG 91. Краткость «не указывала на архаичность», но была обусловлена спецификой отбора материала для нужд той или иной общины. Отдельную группу образуют рукописи Sin. Gr. NF MG 4 (исключены великие праздники, как Преображение и Успение) и 37 (отсутствует канон на Преображение). Поскольку греческий Новый Тропологий сохранился фрагментарно, вопрос о выделении редакций может быть решен лишь после издания грузинского и сирийского переводов памятника, дошедших до нас полностью и с опорой на них.

7. Установление кафедральной или монастырской принадлежности сборника осуществимо в тех случаях, когда в его состав включены гимны, функционально привязанные к архиерейским чинам, как освящение мира в Sin. Gr. NF MG 56+5.

8. К сиро-палестинскому региону, по палеографическим показателям относятся кодексы Sin. Gr. NF MG 37, 84, 83, 91, 120, РНБ Греч. 87, написанные почерком *scrittura mista* и Sin. Gr. 591, написанный письмом *minuscola agiopolita*.

9. К региону Синая и Нижнего Египта, на основании календарных, языковых и культовых особенностей можно отнести — Sin. Gr. NF MG 4, 5+56, 49, 58, 80, 94, P. Vindob. G.19.934. Культовые черты проявляются в текстах на панигир архангела Михаила (MG 56+5, 6 июня), на обновление храма мученика Афанасия

Клисмейского на Суэцком канале (MG 4, июль), на память известного ранее из монофизитских источников египетского святого Аколупа (MG 80, май) и др.

Лингвистические черты рукописей из Египта, не встречающиеся в рукописях из других регионов и находящие подтверждение в папирусах, это чередование *ou / v* (πουρός вместо турός), *ou / oi* (ἄγγελου вместо ἄγγελοι), *α / ο* (σαφία вместо σοφία); синкопирование *ε, ο* перед гласной (Θομήτορος вместо Θεομήτορος). Наконец, в кодексах из Египта присутствует региональная культовая специфика, как именование Иоанна Предтечи «мучеником» (μάρτυς) в P. Vindob. G.19.934 и венском папирусе и MG 62.

В третьей главе «Типология Нового Тропология» формулируются критерии, позволяющие идентифицировать рукописи как принадлежащие к данному книжному типу. Признаки сборника дифференцированы на безусловные, свойственные всей группе, и факультативные. К первым относятся универсальная композиция, специфические иерусалимские макро- и микроструктуры, а также корреляция с иерусалимскими календарем и Лекционарием. Ко вторым — наличие гимнографии литургии апостола Иакова, характерной для Древнего Тропология и ранних греческих списков, но отсутствующей в поздних грузинских и сирийских переводах.

Установлено, что, несмотря на вариативность репертуара, обусловленную институциональными (кафедральный храм или монастырь) и региональными факторами, базовые характеристики сборника оставались неизменными. Это демонстрирует его генетико-типологическое родство с Древним Тропологиям и принципиальное отличие от константинопольских книг (Минеи, Триоди, Октоиха).

1. Безусловные типологические признаки

Универсальность композиции Тропология была обусловлена ранней стадией развития богослужения, когда число особых текстов было невелико. Под универсальной композицией понимается охват в сборнике всего объема гимнографического материала, необходимого для годового богослужебного круга: неподвижного и подвижного циклов, приложений с «общими» песнопениями и гимнами прото-Октоиха.

Сравнительный анализ греческих фрагментов VIII–IX веков (Sin. Gr. NF MG 56+5, MG 49, MG 88, РНБ Греч. 7, 29, 87, MG 94, 52, 91, 82, 80, 4, 37, 84, Sin. Gr. 591, а также осмогласных фрагментов MG 29, 24, 90, 83, 120) и структуры грузинского и сирийского Нового Тропология показал, что последовательность блоков могла варьироваться, но структурное деление сохранялось. В приложениях помещались типовые формуляры и монострофы, сгруппированные по гласам или тематическим посвящениям.

Неподвижный цикл в Новом Тропологии открывался Рождеством Христовым или его предпразднством (службой, отсутствовавшей в Древнем Тропологии) и продолжался до Сретения. Затем следовал триодно-пасхальный блок с интегрированными в него формулярами весенних праздников (например,

вмч. Феодора Тирона, вмч. Георгия). После Пятидесятницы возобновлялись календарные службы до середины декабря.

Если в Древнем Тропологии особая гимнография имела лишь для тридцати дней, то в Новом Тропологии число служб увеличилось более чем вдвое: на первое полугодие в MG 56+5 зафиксировано 73 службы, что предполагает наличие около 150 служб на весь год. В процессе формирования Нового Тропологии Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский впервые составили множество гимнографических последований для святых, ранее совершавшихся по «общим» чинам (Василий Великий, Вавила Антиохийский, Григорий Назианзин, Евфимий, преподобные, убитые на Синае и в Раифе и другие).

Характерной особенностью подвижного цикла стала его менее разработанная структура по сравнению с неподвижным. В Новом Тропологии гимнография великого поста представлена ограниченно: по одному монострофу на будний день и по два — на воскресный. Это позволяет заключить, что Иоанн и Косма сосредоточились на переработке служб великопостных суббот, Входа во Иерусалим, страстной недели, Пасхи, Антипасхи, Вознесения и Пятидесятницы, не ставя задачи разработки репертуара будних дней поста. Примечательно, что служба Преполовления Пятидесятницы, отсутствовавшая в Древнем Тропологии, впервые появляется именно в Новом.

Октоих — осмогласный корпус песнопений седмичного круга — формировался в сиро-палестинской мелькитской среде и Иерусалиме уже в VII веке (а по косвенным данным и папирусам, таким как P. Vindob. G. 19.934, — уже в VI веке). Текстологический анализ Ш. Рену показал, что смысловое ядро воскресных гимнов восходит к IV–V векам, отражая христологию Никейского собора и параллели с сочинениями Кирилла и Исихия Иерусалимских. С. Фрэйсхов относит появление первых элементов прото-Октоиха к концу IV века, связывая их со средой кафедрального чина Иерусалима.

В Древнем Тропологии представлен разработанный репертуар воскресных и будничных гимнов. В Новом Тропологии Иоанн и Косма обогатили репертуар оригинальным материалом: воскресными канонами первого–восьмого гласов и авторскими канонами в честь святых. Анализ греческих синайских фрагментов осмогласного типа (MG 29, 24, 90, 120, 83) выявил следующие тематические посвящения: архангелу, апостолам, Богородице, женщинам, покаянные, кресту, мученикам, священномученикам, преподобным и святителям, трем отрокам, воскресные, усопшим, «тайные» (на великий вход), на литанию. Данные фрагменты коррелируют с двухчастной моделью прото-Октоиха из древнейшего греческого списка Sin. Gr. 1593 + London Add. 26113 + Sin. Gr. 776 (вторая половина VIII – начало IX в.), отражающего иерусалимскую традицию.

Типовые, или «общие», службы предусматривали использование одних и тех же чтений и гимнов для различных праздников, сгруппированных по тематическим посвящениям (мученикам, апостолам, кресту и т. д.). В иерусалимских Лекционариях под рубрикой «общие» были собраны формуляры

чтений, а иногда и гимнов. К регулярным относились формуляры мученикам, пророкам, преподобным, святителям и апостолам; к факультативным — императорам, святым женщинам и архангелам. Наличие формуляров женщинам и архангелам (часто с арабской ремаркой «Михаил») является специфической чертой кодексов из Египта (РНБ Греч. 44, Sin. Gr. 212, Sin. Arab. 116).

В Новом Тропологии присутствие «общей» гимнографии сократилось. «Общие» тексты инкорпорировались в формуляры святых, для которых все еще не существовало особого певческого последования. Более архаичный текст мог исполняться в день памяти святого, чей праздник был установлен позднее. Так, на память мученика Филофея Антиохийского исполнялись архаичные «общие» стихиры мученикам, включенные в формуляр седьмого дня после Богоявления (MG 56+5, §16): «Явлению Бога слова во плоти поклонимся... Мучеников, человеколюбец, непобедимую твоего креста препоясал силой... Возненавидели святые [языческий] обман и возлюбили спасителя Христа страдание... Скоротечное жизни оставив, вы восприняли наследие Божией славы, святые мученики».

Эти гимны отличаются обобщенным содержанием (противостояние ереси, подражание Христу, принятие креста), что позволяло применять их к любому мученику. Блоки «общих» текстов также помещены в службах на память землетрясения 749 года, преподобного Арсения Великого, мучениц Веры, Надежды и Любви.

Второй типологической характеристикой Тропология выступает *следование иерусалимскому календарю*, который отличали региональный характер (включение памятней святых, почитавшихся в Палестине), празднование их под специфическими датами, ненасыщенность. Именно календарь служит инструментом для разграничения версий Тропология и выявления региональной специфики.

Новый Тропологий включал дни памяти иерусалимских епископов и святых (например, память сщмч. Вавилы Антиохийского в Иерусалиме чтилась 15 января, тогда как в Константинополе — 4 сентября). Также ежегодно отмечались дни освящения местных храмов, что восходило к ветхозаветным праздникам освящения Иерусалимского храма. Наиболее полным аналогом стал праздник Обновления храма Воскресения в Иерусалиме (13 сентября), имевший восемь дней попразднства. Тексты этого праздника использовались для других аналогичных служб. В день освящения храма Хозивской иконы Божией Матери в Иудейской пустыне (MG 56+5, § 19, 16 января) пели стихире «В древности обновив свой храм Соломон», сочиненную для освящения храма Воскресения. Данное празднование было воспринято Новым Тропологием, однако впоследствии так и не вышло за пределы распространения иерусалимской традиции.

Сопоставление календаря и атрибуций MG 56+5 подтверждает наблюдение И. А. Карабинова о том, что Иоанн и Косма делили работу между собой в соответствии с последовательностью праздником так, как они идут в

иерусалимском календаре, а если праздник имел предпразднство, каждый гимнограф сочинял по канону. В результате ими были составлены гимны: 1) на ранее существовавшие большие праздники; 2) святым, память которых отмечена в иерусалимском Лекционарии, но не имевшим последования в Древнем Тропологии; 3) новым святым, не отмеченным ни в Лекционарии, ни в Древнем Тропологии (напр., преподобным, убитым на Синае и в Раифе).

Третьим типологическим критерием выступают *иерусалимские литургические макро- и микроструктуры*. Под макроструктурами понимаются элементы, регламентировавшие суточный круг и евхаристию: вечерня, утренняя и литургия апостола Иакова. Под микроструктурами — типы песнопений, сформировавшиеся в рамках иерусалимской традиции для наполнения макроуровней (монострофы: стихиры, ипакои, седальны, тропари; многострофные композиции: канон).

Сведения о взаимодействии макро- и микроструктур содержатся в «Луге духовном» Иоанна Мосха. В повествовании о посещении аввами Иоанном и Софронием подвижника Нила на Синае зафиксирована уже разработанная система макроструктур (вечерня и утренняя), включающая устойчивый набор микроструктур: стихиры на «Господи, воззвах»; тропари после «Свете тихий» и «Сподоби, Господи»; тропари на библейских песнях; седальны после стихословия; хвалитные псалмы; великое славословие. Данный текст свидетельствует об осознании составителями связи между чтением Священного Писания, стихословием Псалтири и гимнографическими текстами, исполнявшимися в качестве припевов, что послужило отправной точкой эволюции гимнографии, по мнению Х. Лееба и С. Фрэйсхова, когда гимны развивались вокруг псалмов, припеваясь к ним и постепенно их вытесняя.

Древнейшим иерусалимским термином, обозначавшим небиблейские поэтические элементы, был тропарь (τροπάριον). В Древнем Тропологии представлены ипакои (ὑπακοή), прокимны, стихиры на «Господи, воззвах», каноны, стихиры на «Хвалите», гимны на малый и великий вход, на синаксис и причащение. На протяжении всего периода бытования иерусалимского Тропология (V–X вв.) макроструктуры оставались неизменными, тогда как микроструктуры постоянно трансформировались. В рукописях термины употреблялись не всегда последовательно: «стихира», «тропарь» или «седален» могли использоваться взаимозаменяемо. Наряду со стандартными терминами, в Новом Тропологии вводятся специфические, например, для великого освящения воды (εἰς λίτην ἁγιασμοῦ), коленопреклонения на Пятидесятницу (εἰς γονυκλισίαν), отпустительный гимн (ἀπολυτικόν) и гимн тайн (μυστικόν).

Термин ὑπακοή изначально указывал на способ исполнения: это был ответный гимн, или рефрен, припеваемый к тексту псалма. В литургическом контексте исполнение ипакои предполагало активное участие народа. В Древнем Тропологии ипакои положены на вечернях в канун великих праздников, дней поста, страстной недели. Место исполнения варьировалось относительно 140-го

псалма, ветхозаветных чтений и гимна «Свете тихий». В навечерие Рождества Христова ипакои исполнялся вечером, перед процессией в Вифлеем. Употребление термина «ипакои» ограничивается периодом Древнего Тропология, однако архаичная терминология сохраняется в наиболее значимых службах Нового Тропология. В чине пасхального бдения (MG 56+5, § 39) содержится предписание: «Священник [поет] ипакои (ἐν ὑπακοῇ)». Также термину в MG 56+5 синонимичен термин ὑφήγησις, указывающий на антифонную манеру исполнения. Он встречается в ночной службе, «агрипнии», в ночь с великого четверга на великую пятницу. Древние ипакои не обладали специфическими формальными признаками, поэтому с исчезновением термина тексты были восприняты последующей традицией на разных позициях. Например, гимн «Ты родился, как сам захотел» (Ετέχθης ὡς αὐτὸς ἠθέλησας), который в Древнем Тропологии пелся на литургии апостола Иакова на малый вход Вознесения и Пятидесятницы, в Новом Тропологии стал исполняться на утрени Вознесения, на «Хвалите».

Стихиры на «Господи, возвах» (στίχηρὰ εἰς τὸ Κύριε ἐκέκραξα), подобно ипакои, развивались как поэтическое дополнение к псалмопению (Пс. 140 и 141), которое совершалось в Иерусалиме уже в IV веке (psalmi lucernares у Эгерии). Первоначально возникший в Древнем Тропологии корпус стихир на «Господи, возвах» в Новом Тропологии был почти полностью обновлен.

Прокимны со стихами являлись характерным элементом праздничной вечерни в Лекционариях и Древнем Тропологии. В Грузинском Лекционарии псалом-респонсорий был сокращен до припева и единственного стиха, а наличие указания на глас свидетельствовало о внедрении модальной системы. Х. Бухингер предположил, что сокращение текстового объема было обусловлено усложнением музыкальной формы и профессионализацией певческого исполнения. Прокимны и аллилуарии не вошли в состав Нового Тропология, поскольку в указанный период они фиксировались преимущественно в Лекционариях или Часословах.

Центральное место в утреннем богослужении занимал гимнографический канон (κανών). Происхождение канона связано с утверждением в иерусалимском утреннем богослужении библейских песен. Постепенное накопление поэтических тропарей, исполнявшихся в качестве припевов, привело к тому, что фактическое пение самих библейских песней было вытеснено. Жанр уже достоверно существовал в Древнем Тропологии, следовательно, традиционное утверждение о том, что канон изобрел Андрей Критский, неверно.

Архаичным ядром канона служила песнь трех отроков, к которой присоединяли песнь Богородицы. В Древнем Тропологии зафиксированы каноны на 46 праздников (25 полных, девятипесенных, и 23 сокращенных). Эти архаичные каноны не были восприняты последующей традицией. Тем не менее в MG 56+5 присутствуют отдельные тексты, восходящие к раннему этапу, например, четверопеснец на память апостолов, сопровождающийся рубрикой: «Нужно знать, что с нового воскресения до Пятидесятницы вместо песнопений покаянных и мученикам апостолам поет святая Церковь». В пользу архаичности

этого четверопеснца свидетельствуют отсутствие моделей-ирмосов для шестой и седьмой песен, рефрен девятой песни «в песнях величаем» и описание опасностей, которые претерпели апостолы от диких зверей, что сближает его со службой святителей из Древнего Тропология.

Эти тексты существенно отличаются от произведений Иоанна и Космы, которые для новой редакции Тропология унифицировали структурно-композиционные принципы. К техническим инновациям следует отнести стабилизацию формы канона: каноны Иоанна и Космы состояли из восьми песней (с первой по девятую, за исключением второй). До настоящего времени не существует однозначного объяснения причин исключения второй песни (Втор. 32:1–43). Андрей Критский, перенесший традицию Древнего Тропология в Константинополь, систематически включал в каноны вторую песнь, также как и его современник Герман, патриарх Константинопольский. Приблизительно в то же время в Иерусалиме Косма и Иоанн последовательно отказывались от написания второй песни, положив начало новой практике, которую продолжили патриарх Илия II Иерусалимский и Стефан Савваит. На этом основании у более поздних константинопольских гимнографов таких, как Иосиф Песнописец сформировалась двойственность в отношении второй песни.

Кроме того, Иоанн и Косма стали использовать ирмосы, содержательно соотносившиеся с соответствующей библейской песнью посредством ее парафраза и включения цитат из нее. Эта практика была вызвана постепенным отмиранием обычая исполнения самих библейских песен. Подобный тип ирмосов уже был известен в Древнем Тропологии, однако Иоанн и Косма возвели его в норму, сделав канонписание доступным для менее опытных авторов.

К числу авторских приемов следует отнести рефрен и акростих. Рефрен служил связующим элементом между библейской песнью и тропарями. Если в Древнем Тропологии рефрен присутствовал, как правило, в первой, седьмой и восьмой песнях, то Косма поместил его и в другие песни, синтезировав практику Древнего Тропология и художественный принцип кондака. В каноне на Сретение Косма украсил рефренами пять песен. Акростих (фразовый, метрический, именной, алфавитный) применялся Космой и Иоанном для обеспечения целостности канонов.

Стихиры на «Хвалите» (στίχηρὰ εἰς αἰνεῖτε) изначально развивались как припевы к псалмам 148, 149 и 150. Их тексты, отличавшиеся в Древнем Тропологии простотой, были фактически полностью заменены в Новом Тропологии. Еще одной точкой развития гимнографии стала малая псалмодия, предполагавшая исполнение избранных стихов в заключительной части вечерни и утрени великих праздников. К этим стихам присоединялись «стихиры на стиховне» (εἰς τὸν στίχον). В MG 56+5 данное песнопение могло исполняться после евангельского чтения на литургии апостола Иакова в качестве гимна на синакисис, а также как стиховная стихира на утрене.

Помимо вышеперечисленных гимнов, в Тропологиях представлены однострофные тематические песнопения — тропари и седальны Богородице, кресту, воскресные, покаянные, мученикам, преподобным, апостолам. Не будучи привязаны к конкретным макроструктурам, они обладали универсальным содержанием и составляли общий репертуар текстов, из которого можно было заимствовать песнопения для разных литургических целей. Иоанн и Косма практически не использовали в своих канонах богородичны, предполагая наличие приложений к Тропологию. В MG 56+5 на полях были указаны инципиты богородичнов, служившие отсылкой к иному источнику.

Троичны (τριαδικόν) — гимны в честь святой Троицы — были присущи константинопольским авторам. Единственное песнопение, прямо названное в MG 56+5 «троичном», присутствует в службе Богоявления (§ 10) с предписанием исполнять его на 4-й глас в течение восьми дней попразднства, а также повторять на Пятидесятницу. Речь идет о гимне «Придите, верные, триипостасному божеству поклонимся» (Δεῦτε, πιστοί, τὴν τριούποστον θεότητα προσκυνήσωμεν). Это богословское осмысление Троицы соответствовало содержанию обоих праздников. Присутствие гимна в Новом Тропологии ставит под сомнение его атрибуцию императору Льву VI Мудрому, закрепившуюся в позднейших печатных изданиях. В самом иерусалимском Тропологии тропари с упоминанием Троицы встречаются в седьмой и восьмой песнях канонов, где три отрока образно уподобляются святой Троице. В остальном троичны проникали в более позднюю иерусалимскую традицию вместе с константинопольской гимнографией.

Четвертой характеристикой Тропология выступает *ориентация на иерусалимский Лекционарий*. Гимнографические тексты содержат прямые цитаты или развернутые аллюзии на библейские отрывки, которые предписывалось читать в день соответствующего праздника. Наиболее отчетливо эта связь прослеживается в службах праздников. В MG 56+5 на отпуст Рождества Христова помещен гимн «Когда Господь Иисус родился» (Τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ γεννηθέντος ἐν Βηθλεὲμ), который изначально, согласно Грузинскому Лекционарию, исполнялся на литургии апостола Иакова на синаксис праздника (Мф. 2). Этот гимн-парафраз не просто пересказывал евангельский сюжет, но был составлен из цитат перикопы дня, к которым были присоединены слова из Беседы № 38 Григория Богослова.

Как воскресные, так и будничные песнопения великого поста в MG 56+5 представляли собой поэтическое переложение евангельского чтения воскресного дня. Гимны третьего воскресения поста и последующей за ним недели были сюжетно выстроены вокруг чтения о блудном сыне (Лк. 15:11–32). Стихира на синаксис гласит: «Согрешил я! Исповедую тебе, Господь: я — блудный сын! Не смею и глаз поднять на небо...». В период великого поста наблюдалось расхождение между иерусалимской и константинопольской системами чтений. В Константинополе, начиная с IX века, воскресение о блудном сыне было перенесено на подготовительный к великому посту период. В Иерусалиме эти чтения сохраняли иную последовательность: чтение о блудном сыне звучало в

третье воскресение поста, о мытаре и фарисее — в четвертое. В MG 56+5 гимны расположены согласно иерусалимской последовательности. Привязка гимнов к конкретным евангельским чтениям и их цитирование однозначно свидетельствуют о том, что сборник отражает иерусалимскую литургическую систему.

2. Факультативные типологические признаки

Корреляция с литургией апостола Иакова — основной литургией Иерусалимского патриархата — выступает факультативным типологическим признаком. Она фиксируется в Грузинском Лекционарии, Древнем Тропологии и ранних греческих версиях Нового Тропология (MG 56+5). В более поздних греческих рукописях (Sin. Gr. NF MG 4), а также в сирийских и грузинских переводах гимны для литургии апостола Иакова отсутствуют, что обусловлено постепенной заменой этого чина на литургию Василия Великого.

В Новом Тропологии гимны располагались в соответствии с литургической последовательностью: входной гимн / трисвятое / псалом + стих / Апостол / псалом + аллилуия / Евангелие / гимн на синаксис / гимн на перенос святых даров / анафора / гимн на причащение / гимн на отпуст народа.

В кодексах VIII–IX веков терминология гимнов литургии апостола Иакова имела неустойчивый характер; некоторые термины имели несколько названий: наряду с «на святые дары» (εἰς τὰ ἅγια) использовались «на вход святых даров» (εἰς τὴν εἰσόδον τῶν ἁγίων) и гимн «тайн» (μυστικόν).

Входной гимн / *τροπάριον* исполнялся в начале литургии, когда епископ и клир входили в церковь: хор и народ попеременно пели 94-ый псалом и припевали к нему гимн. В Грузинском Лекционарии и Древнем Тропологии особый входной тропарь уже имел форму монострофа без псаломских припевов. В составе Нового Тропология особых входных гимнов нет. Единственный рудимент древней практики сохранился в архаичной литургии освящения мира в великий четверг (MG 56+5, § 37). Как входной гимн (*τροπάριον*) поется стихира великой среды: «Когда грешница приносила миро». Гимн относится к древнейшим иерусалимским песнопениям. Его сохранение в MG 56+5 в чине освящения мира отвечает закону Антона Баумштарка – Роберта Тафта о сохранении древних обычаев в важнейшие литургические моменты года.

Гимны на синаксис / *εἰς σύναξιν* помещались после Евангелия и ектении, перед отпустом оглашенных. Вариативность местоположения гимна привела к двойственности терминологии: в некоторых рукописях гимн назван «на синаксис», в других — «на омовение рук». В MG 56+5 присутствует 21 гимн на синаксис. Шесть гимнов были известны из раннеиерусалимской традиции: на Богоявление, великую субботу, Пасху; еще два относятся к великопостному циклу.

Хотя ориентация на иерусалимский Лекционарий являлась общей типологической чертой, в отношении гимнов на синаксис, которые Х. Лееб характеризовал как поэтический «ответ на Евангелие», этот принцип действовал

особенно отчетливо. Гимн «После восьми дней Пасхи», певшийся в Новое воскресенье, представлял собой парафраз евангельской перикопы вечерни этого дня (Ин. 20: 26–31). В рассматриваемый период на синаксис все чаще использовались заимствованные песнопения, в результате чего происходил разрыв связи между текстом гимна и евангельской перикопой. Из 19 гимнов, зафиксированных в Новом Тропологии на синаксис, только 5 известны из более древних памятников. После перехода на иной тип литургии около 50% гимнов было интегрировано в византийский корпус.

Гимн на перенос святых даров (на великий вход) / *εἰς τὰ ἄγια* исполнялся во время переноса хлеба и вина в алтарь. Его древнейшая форма — антифонное пение псалма 23 с Аллилуия. В иерусалимском Лекционарии младшей редакции сохранилось указание выносить святые дары при пении Аллилуия со стихом из псалма 23. В MG 56+5 Аллилуия присутствует на первой пасхальной литургии великой субботы. С VI века к Аллилуия добавлялись тропари, встраивавшиеся в антифонное пение великого входа. Постепенная редукция гимна (отказ от Аллилуия) была обусловлена практическими причинами (небольшие храмы не могли содержать полный штат клира) и архитектурно-литургической трансформацией (отказ от отдельно стоящего скевофилакиона в пользу устройства жертвенника внутри храма).

Сохранившиеся тропари великого входа делятся на две тематические группы: славословные и праздничные. Тропари с славословием («агиологии») были посвящены невидимому сослужению ангелов и завершались словами «Свят, свят, свят». Антон Баумштарк причисляет их к древнейшим текстам великого входа, развившимся из ветхозаветного трисвятого (Ис. 6:3). Славословный гимн сохранился в MG 56+5 на великий четверг: «Ангелы песнословят непрестанными песнями, взывают, славят Троицу единосущную: свят, свят, свят, ты, Господь!».

Праздничный тропарь великого входа содержательно соотносился с тематикой конкретного праздника. В MG 56+5 зафиксировано два подобных текста: на Богоявление и на великий четверг. В качестве тропаря на Богоявление исполнялся гимн из чина великого водоосвящения: «Сонмы ангелов ужаснулись тому, что сегодня увидели: тебя, спаситель, стоящего нагим во Иордане...». Также славословные тропари прибавлены к гимну святых даров великого четверга: «Агнец Божий, принимающий на себя грех мира... предлежит ныне в жертву Отцу... с горными силами чистыми устами воззовем: свят ты, спаситель, душ наших». Несмотря на попытки интеграции в позднейшую константинопольскую традицию, гимн быстро вышел из употребления в византийском обряде. Дальнейшая унификация привела к исчезновению из богослужения тропарей-«агиологий» и праздничных тропарей.

Песнопения на причащение / *εἰς τὸ μεταλαβεῖν* исполняли после слов диакона «Святая святым». Древнейшим псалмом, использовавшимся в этом качестве в IV веке в Антиохии и Палестине, был псалом 33:9 «Вкусите и видите, как благ Господь», что указано уже в «Апостольских постановлениях». В

раннеиерусалимских памятниках особые причастны вводит рубрика «Вкусите». В Грузинском Лекционарии и Древнем Тропологии помещено десять причастнов — на великий четверг и на Пасху. Очевидно, что данный тип песнопений предписывался к исполнению в дни массового причащения верующих. Из причастных гимнов великого четверга наиболее точно тематике дня соответствовал текст «Твоей тайной вечери». Согласно Георгию Кедрину, он был введен в литургию великого четверга при императоре Юстине II в Константинополе, а затем перешел в иерусалимские памятники. В MG 56+5 гимн вводит арабская помета — «читается в момент, когда люди получают причастие». Данный заимствованный и более искусно составленный гимн вытеснил из иерусалимской практики более простой — «В сей день Иисус». В последующих источниках прослеживается тенденция к взаимозаменяемости гимнов, предназначенных для переноса святых даров и для причащения.

В иерусалимском чине гимн на отпуст / *εἰς τὴν ἀπόλυσιν* исполняли в то время, когда члены общины в конце литургии покидали собрание, после возгласа диакона «В мире Христа воспоем» и перед прочтением заамвонной молитвы. Выявление корпуса из двенадцати текстов на отпуст в MG 56+5 позволяет предположить их иерусалимское происхождение. На Пасху и в Новое воскресение пели гимн «Ты воскрес, Христос, из гроба, как сильный, и посрамил ненавидящих тебя». Это один из ключевых текстов раннего иерусалимского богослужения Пасхи. Изначально он исполнялся на пасхальном бдении вечером великой субботы в качестве славника стихир на «Господи, воззвах». В Новом Тропологии практика его использования расширилась: гимн стали петь на синаксисте и на отпусте первой пасхальной литургии.

Многие гимны на отпуст не сочинялись заново, а заимствовались из известных древних формуляров. Так, гимн «Когда Господь Иисус родился», помещенный на отпуст литургии апостола Иакова и на «Господи, воззвах» вечерни, в Грузинском Лекционарии располагался на синаксисте Рождества.

В целом корпус гимнов литургии апостола Иакова в Новом Тропологии характеризовался пластичностью, неспецифичностью, разрывом связи с исконными псаломскими стихами, а также общей тенденцией к редукции. Первыми из богослужебного обихода исчезли гимны на малый вход. Хотя число песнопений на синаксист и перенос святых даров сократилось, в репертуаре появились гимны на отпуст, которые впоследствии перешли в константинопольскую традицию.

3. Заключение к третьей главе

1. Типологические характеристики Нового Тропология подразделены на безусловные (присущие всем без исключения памятникам данного типа) и факультативные (свойственные лишь определенным группам рукописей).

К первой группе относятся: универсальная композиция, охватывающая праздники подвижного и неподвижного годовых циклов; наличие «общих»

текстов и песнопений прото-Октоиха; присутствие специфических иерусалимских макро- и микроструктур, а также ориентация на иерусалимский календарь и иерусалимский Лекционарий.

Ко второй группе относится корреляция с чином литургии апостола Иакова и наличие специфических гимнов, предназначенных для ее совершения в рамках Нового Тропология. Эти гимны представлены в Древнем Тропологии и Грузинском Лекционарии, а также в ранних греческих списках Нового Тропология, как MG 56+5, MG 83, MG 24 и др., а также в Лекционариях РНБ Греч. 44, MG 8.

2. Несмотря на вариативность репертуара, обусловленную литургическими особенностями конкретной общины (кафедральный храм или монастырь) и региональной спецификой, типологические признаки — универсальная композиция, иерусалимские макро- и микроструктуры, следование иерусалимскому Лекционарию — оставались неизменными.

Иерусалимский календарь, продолжавший служить основой, мог дополняться в греко-египетских или иных региональных рукописях памятниками местных святых и праздников. В то же время такой признак, как ориентация на чин литургии апостола Иакова, по мере перехода общин на иные литургические формы (прежде всего, на литургию Василия Великого), постепенно утрачивался. Наличие гимнов для литургии апостола Иакова в MG 56+5 свидетельствует об архаичном составе данного кодекса.

3. Установленные типологические характеристики выступают критерием при работе с рукописями, позволяя отличать сборники иерусалимской традиции от константинопольских книг.

По мере разрастания репертуара в IX веке — подобно тому, как ранее в Иерусалиме Тропологии выделился из состава Лекционария, — на смену единому универсальному сборнику пришли три самостоятельные книги: Минея, Триодь и повседневный Октоих. Минеи содержали гимны неподвижного цикла на каждый день календарного года; Октоихи включали гимны на каждый день недели, повторяющиеся в соответствии с системой осмогласия каждые восемь недель; Триоди — Постная и Цветная — содержали гимны на каждый день подвижного цикла: великого поста, страстной седмицы, Пасхи и периода до Пятидесятницы.

Из типологии Тропология в константинопольскую гимнографическую книжную систему были восприняты макроструктуры вечерни и утрени, отдельные микроструктуры (стихиры, канон). Ключевая типологическая черта Тропология — его универсальный годовой характер — была утрачена. Также поскольку календарь, Лекционарий и литургия в Константинополе отличались от иерусалимских, то и соответствующие признаки Нового Тропология претерпели существенную трансформацию.

В четвертой главе «Специфика Нового Тропология MG 56+5» осуществляется переход от анализа общих типологических черт, свойственных всем спискам Тропология, к исследованию индивидуальных характеристик,

раскрывающих специфику бытования списков данного книжного типа в конкретных регионах Византии. Основным объектом анализа выступает наиболее полно сохранившийся и репрезентативный список — Sin. Gr. NF MG 56+5. Опираясь на концепцию литургических текстов как «живой литературы» (П. Брэдшоу), фиксирующей не только норму, но и местные отклонения от нее, в главе реконструируются регион происхождения рукописи и тип общины, для которой она создавалась. Доказывается, что история иерусалимского Тропология неизбежно должна рассматриваться как региональная история, учитывающая институциональный, языковой и церковный контексты адаптации кафедрального репертуара храма Воскресения локальными общинами.

1. Региональная специфика MG 56+5

Эортологические особенности выявляются путем сопоставления календаря MG 56+5 с календарями Древнего и Нового Тропология, а также с палестинскими календарями. Выявлен ряд уникальных маркеров, нехарактерных для иерусалимской традиции, но локализирующих рукопись в Нижнем Египте.

Наиболее значимым региональным маркером выступает календарная фиксация панигира (πανήγυρις) архангела Михаила 6 июня. Термин «панигир» встречается в рукописи единожды, что указывает на исключительное значение торжества. Дополнительным подтверждением высокого статуса праздника служит наличие в MG 56+5 двойного формуляра на этот день (§ 70–71). Иерусалимские памятники не фиксируют празднование 6 июня; данная дата утвердилась в египетской, а также в связанных с ней эфиопской, сиро-яковитской и маронитской традициях.

Документально зафиксированная традиция почитания архангела в Египте восходит к свидетельствам Дидима Александрийского (IV в.) и подтверждается многочисленными папирусами, эпитафиями и средневековыми описаниями храмов (более 30 посвящений). Новый Тропология MG 56+5 фиксирует раннее проникновение даты 12 паоне (6 июня) в гимнографическую традицию иерусалимского типа. Наличие второго формуляра свидетельствует о двухдневном праздновании, что подтверждается копто-арабскими календарями. Канон из регионального формуляра посвящен локальному храму архангела Михаила; составлен с использованием сборного комплекта ирмосов (патриарха Германа, Космы Иерусалимского и анонимных авторов) и содержит богородичны в каждой песне, кроме девятой, что нехарактерно для иерусалимских канонов и указывает на региональную гимнографическую традицию, подвергшуюся византизации.

В формуляре памяти апостола Марка (25 апреля, § 49) к стандартному иерусалимскому тексту добавлена стихира, содержащая локализирующий маркер: апостол назван не просто покровителем Египта, но «нашим покровителем» (ἡμῶν πολιούχος). Использование притяжательного местоимения «наш» указывает на локальную, alexandrianскую точку зрения.

В последовании египетского преподобного Арсения Великого, память которого перенесена в МГ 56+5 с общепринятой даты 8 мая на 7 мая (§ 55), содержится уникальный гимн «на гробницу» (εἰς τὴν θήκην) святого. Согласно источникам, Арсений скончался и был погребен в области Туры (близ современного Каира).

Канон на память погибших в землетрясении, обозначенный в МГ 56+5 17 января (§ 21), не засвидетельствован в других литургических источниках христианского Востока. Эта дата соотносится с крупнейшим землетрясением в Палестине и Сирии, датированным современными исследованиями (Й. Цаффрир) 18 января 749 года. «История александрийских патриархов» (XI в.) сообщает, что во время этого бедствия Египет пострадал не так значительно, как другие земли, за исключением Дамьетты в Нижнем Египте. Упоминание Дамьетты позволяет предположить, что именно этот регион являлся ареалом бытования уникального молебного последования, составленного для пения во время бедствия с молитвами об упокоении погибших и сохранении живых.

Включение гимнов на память мученика Филофея Антиохийского (12 января, § 16) также объясняется египетской спецификой. В пользу египетского влияния говорит отсутствие адаптации известных в Палестине гимнов и использование вместо них «общих» текстов. Связующим звеном между сирийской и египетской традициями выступал сирийский монастырь Дейр-Суриани в Вади-Натруне, через который в египетское богослужение проникало почитание сирийских святых. Об укорененности культа Филофея в Египте свидетельствуют сохранившиеся на коптском языке житие мученика и ряд гимнов.

2. Литургическая специфика МГ 56+5

Особенности, отраженные в богослужебных чинах, редакциях текстов и пометках на полях рукописи, позволяют разрешить вопрос о принадлежности кодекса к кафедральной или монастырской практике.

Маргиналии МГ 56+5 (около ста записей одиннадцатью почерками на греческом и арабском языках) запечатлели срез живой практики мелькитской общины из Нижнего Египта в IX веке. Прямая отсылка к практике мелькитов Египта содержится в арабской ремарке после чина умовения ног (§ 37), разъясняющей специфику исполнения антифонов перед чтением перикоп о страстях Христовых в ночь с четверга на пятницу «жителями Египта». Это служит неоспоримым доказательством египетской локализации рукописи.

Кроме того, маргиналии свидетельствуют о проникновении константинопольских литургических практик: арабоязычная помета упоминает процессию с крестом в среду Крестопоклонной недели, что является прямой отсылкой к константинопольскому чину (в иерусалимской традиции поклонение кресту совершалось в великую пятницу). О постепенной византинизации говорит и появление тематических названий воскресений великого поста (например, «О блудном сыне»), указывающее на влияние константинопольской традиции, хотя

полного совпадения с ней еще не наблюдается. Добавленные певчими на полях гимны заимствовались как из архаичного иерусалимского, так и нового константинопольского репертуара.

Указание в колофоне MG 56+5 на то, что сборник составлен по чину храма Воскресения, определяет тип сборника как кафедральный. Наличие в составе формуляра великого четверга корпуса текстов для освящения мира (λειτουργία τοῦ ἁγίου μύρου, § 37), что являлось исключительной прерогативой архиерея и было связано с вопросами юрисдикционной независимости, подтверждает епископский характер богослужебной практики общины.

Ближневосточный чин освящения мира моделировался по образцу литургии апостола Иакова, воспроизводя ее структуру (малый вход, трисвятое, чтения, ектении, отпуст оглашенных, великий вход, анафора с епиклезой). Репертуар, зафиксированный в MG 56+5, соответствовал этой общей ближневосточной парадигме. В рукописи сохранились гимн на великий вход и гимн «Самуил», исполнявшийся во время каждения мира. Адаптация чина к пространственным условиям египетского кафедрального собора, уступающего по масштабам храму Воскресения, привела к сокращению объема гимнографического материала по сравнению с иерусалимским Типиконом 1122 года.

Включение в MG 56+5 городского чина на уложение ног в великий четверг (§ 37) также указывает на использование рукописи в кафедральном соборе.

Далее в главе приводятся примеры текстов гимнов, известных по иерусалимской и константинопольской традициям, но бытовавших на литургической периферии в своеобразных редакциях. Так, в двупеснец Космы Маюмского на великий вторник в MG 56+5 интерполирована вторая песнь, представляющая собой гимн κατὰ στίχων. Песнь состоит из семнадцати строф по пятнадцать слогов, пересказывающих притчу о мудрых девах. Обнаружение данного гимна в региональном Тропологии из Египта имеет важное значение, поскольку до недавнего времени подобные гимны связывались исключительно с константинопольской средой. Однако вопрос о генезисе этого гимнографического типа требует пересмотра: в Египте он засвидетельствован значительно раньше, чем в Константинополе, о чем свидетельствуют папирусные находки V–VI веков (P. Lond. Lit. 235, P. Bodleian Library, P. Lond. III 1029 и другие). Из Нижнего Египта гимны κατὰ στίχων могли попасть в Константинополь, однако в самом регионе они сохранялись устойчиво и продолжительно вплоть до интеграции их вариантов в коптскую поэтическую бохаирскую традицию.

Также в MG 56+5 зафиксирован уникальный пятипеснец на утрени великой субботы (§ 39, гл. 2-й пл.), состоящий из первой, шестой, седьмой, восьмой и девятой песен. Компоненты этого канона известны по более поздней традиции, где первая песнь, начинающаяся тропарем «Безумный старец» с ирмосом «Волною морскою», приписывается константинопольской поэтессе IX века Кассии. Однако включение «первой песни Кассии» в состав пятипеснца Космы в рукопись IX века MG 56+5 ставит под сомнение эту атрибуцию. Аргументы в

пользу палестинского происхождения пятипеснца следующие: 1) древнейшие свидетельства бытования первой песни в качестве органичной части пятипеснца в греческом и сирийском Новых Тропологиях не содержат оговорок об их константинопольском происхождении; 2) ирмосы пятипеснца входят в цикл из восьми ирмосов, известных в рукописной традиции как кресто-воскресное последование Космы; 3) Типикон храма Воскресения 1122 года атрибутирует пятипеснец Косме («Κοσμᾶ καὶ Σάββατον μέλλω μέγα»). Хотя авторство первой песни остается дискуссионным, в IX–X века на христианском Востоке канон великой субботы бытовал именно в виде пятипеснца

3. Место MG 56+5 среди литургико-гимнографических сборников из Египта

В IX веке на территории Египта и Синайского полуострова сосуществовали и взаимодействовали три христианские литургико-гимнографические традиции: православные общины Иерусалимского и Александрийского патриархатов, а также монофизитская Коптская Церковь. MG 56+5 не является единственным списком, содержащим редкий гимнографический материал, связанный с Нижним Египтом.

Новый Тропологий Sin. Gr. NF MG 4 сохранил единственное известное последование мученику Афанасию Клисмейскому (18 или 19 июля), принявшему кончину в Клисме (район Суэцкого канала). Последование приурочено к празднику освящения храма святого Афанасия и отражает его роль как «полиуха», («градодержца»), небесного покровителя города. Именно из Клисмы культ распространился по христианскому Востоку. Помимо службы мученика Афанасия, в Sin. Gr. NF MG 4 присутствует служба храма Трех отроков (4 июля), что, вероятно, было обусловлено аграрными реалиями и молением о ниспослании дождя. Также в рукописи упоминается чин благословения первого винограда (20 июля), совершаемый в храме святого Иоанна Предтечи.

Анализ Лекционария РНБ Греч. 44 IX века демонстрирует, что его составители использовали MG 56+5 (или родственные ему рукописи) в качестве источника репертуара. Из 24 гимнов на вход и на синаксис восемь известны из MG 56+5 и его служб святым Антонию Великому, Киру и Иоанну, апостолу Марку, мученицам Вере, Надежде, Любви, на обновление Хозивского монастыря, архангелу Михаилу. Уникальная стихира архангелу Михаилу и входной тропарь для «общей» службы святым женщинам зафиксированы исключительно в этих двух рукописях. Совпадение специфического репертуара показывает, что Тропологии функционировали как ключевые источники гимнографического материала, на основе которых осуществлялась компиляция многофункциональных сборников.

Помимо прямых заимствований, в литургико-гимнографических коллекциях из Египта встречаются гимны, сочиненные по модели текстов Нового Тропология. В сборнике Sin. Gr. NF MG 15 представлена коллекция региональных гимнов на великие праздники, часть из которых составлена по образцу пасхального

иерусалимского тропаря «Христос воскрес из мертвых», хотя и с нарушением его метрики.

Гимнографическое наследие Нового Тропология оказало влияние и на монофизитские общины. Литургико-гимнографический сборник Sin. Gr. NF MG 62 XIII–XIV веков, восходящий к архаичной практике монастыря Энатон близ Александрии, включал иерусалимский материал воскресного Октоиха из Нового Тропология наравне с местными гимнами в честь монофизитских святых. Следовательно, Новый Тропологий служил гимнографической основой и для сборников «севировых» общин в период сосуществования традиций в Египте.

4. Вопрос о возможности существования не-иерусалимского аналога Тропология

Существование особого «египетского» извода Тропология, подтвержденное рукописными памятниками, позволяет предположить наличие несохранившихся аналогов сборника и в других центрах Византии — прежде всего в Константинополе и Малой Азии, где он мог использоваться общинами, совершавшими богослужение по иерусалимскому чину с учетом местных практик и текстов. В пользу этой гипотезы свидетельствует ряд аргументов:

1. Наличие специфического гимнографического корпуса Андрея Критского и патриарха Германа Константинопольского, посвященного праздникам, которые отмечались в столице империи (памяти патриархов и нотариев, обновление храма во Влахерне, мучеников Флора и Лавра и др.);

2. Включение служб этих авторов в иерусалимский Тропологий. Примером служит последование Иоанну Златоусту (27 января, § 25), заимствованное непосредственно из Константинополя и маркированное в MG 56+5 пометкой «BYZ» («византийский»).

3. 78-е письмо Феодора Студита († 826). В 799 году, отправляясь в Константинополь, Феодор «взял с собой книги — Лествицу и Тропологий». Этот факт указывает на роль Тропология как ключевой книги в монашеском обиходе малоазийского и затем константинопольского Студийского монастыря. Сам Феодор Студит ориентировался на девятипесенную модель канонов Древнего Тропология.

4. Устойчивое сохранение термина «Тропологий» в столичной книжной культуре после того, как с IX века начался процесс структурной дифференциации богослужебных книг, приведший к выделению самостоятельных Миней, Триодей и повседневных Октоихов. Название «Тропологий» продолжало использоваться для обозначения кодексов нового типа вплоть до XII века. Это свидетельствует о том, что в Константинополе «Тропологий» воспринимался как устоявшееся название гимнографического сборника, сохранявшее актуальность после распада первоначального универсального сборника на специализированные книги.

5. Заключение к четвертой главе

1. MG 56+5 обладал выраженной региональной спецификой. Ключевыми маркерами локализации кодекса в Египте служат уникальные календарные и локальные особенности: панигир архангела Михаила 6 июня, именование апостола Марка «нашим покровителем», память мучениц Веры, Надежды и Любви 1 июня, воспоминание землетрясения 749 года и другие. Арабоязычная маргиналия, отмечающая особенности пения антифонов перед чтением Евангелия в ночь на великую пятницу «жителями Египта», также подтверждает бытование кодекса в данном регионе.

В пользу локализации кодекса именно в Нижнем Египте, в дельте Нила, говорят литургическое почитание мученика Филофея, культ которого распространился в регионе через монастырь Дейр-Сириани в Вади-Натруне; наличие гимна, исполнявшегося у раки преподобного Арсения Великого в Туре близ Каира и молебное воспоминание землетрясения 749 года, затронувшего регион Дамьетты; а также интерполяция гимна *κατὰ στίχων* в качестве второй песни в двупеснец Космы Маюмского на великий вторник.

2. Наличие чина освящения мира, который совершал исключительно архиерей, свидетельствует о предназначении книги для кафедрального собора. Это же подтверждает и включение в MG 56+5 «городского», а не монашеского, чина умовения ног.

3. Кодекс фиксирует восприятие общиной кафедрального собора в Нижнем Египте в рассматриваемый период (IX век) первых константинопольских литургико-гимнографических элементов: совершение службы Иоанну Златоусту, замену иерусалимской порядковой нумерации воскресений великого поста на тематические наименования («о мытаре и фарисее», «о блудном сыне») и перенос чина выноса креста с великой пятницы на среду четвертой недели великого поста.

4. Новый Тропологий служил источником гимнографических текстов и моделей для региональных, египетских, мелькитских и монофизитских, сборников, в частности для Лекционария РНБ Греч. 44, литургико-гимнографических коллекций Sin. Gr. NF MG 15 и Sin. Gr. NF MG 62, что говорит о распространении Нового Тропология в регионе.

5. Разработка Андреем Критским и Германом Константинопольским специфического гимнографического корпуса в честь праздников и святых Константинополя свидетельствуют в пользу создания адаптированной версии сборника, учитывавшей местные календарные особенности столицы Византии.

Заемствование константинопольских текстов в Новый иерусалимский Тропологий, прямое свидетельство Феодора Студита об имевшемся у него «Тропологии», а также устойчивое сохранение термина «Тропологий» в заглавиях константинопольских Миней, Триодей и повседневных Октоихов вплоть до XII века подтверждают предположение о существовании подобного адаптированного Тропология в Константинополе.

Данный извод, возникший при переносе традиции Древнего Тропология Андреем Критским, мог предназначаться для столичных общин, совершавших

богослужение по иерусалимскому чину. Он развивался параллельно с египетской и прочими региональными версиями, адаптируя общую типологию к местной специфике.

В пятой главе «Поэтика Нового Тропология» осуществляется комплексный анализ поэтики Нового Тропология как неотъемлемой части поэтической системы раннехристианской словесности и византийской гимнографии в целом, которая рассматривается как совокупность содержательных, формальных и стилистических особенностей, обеспечивающих реализацию литургической функции текста.

1. Интертекстуальность

Специфика интертекстуальности Древнего Тропология определялась, прежде всего, его связью с ветхо- и новозаветными чтениями праздничных служб, зафиксированными в иерусалимском Лекционарии, а также использованием выдержек из гомилий местных проповедников — Кирилла и Исихия Иерусалимских. Привлечение Иоанна Дамаскина и Космы Маюмского к работе над Новым Тропологием существенно расширило интертекстуальные связи: гимнографы выстраивали сложные соотношения между Священным Писанием, гомилетикой, богословием и литургической поэзией, включая в свои тексты цитаты из обширного круга христианских писателей — Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Романа Сладкопевца и других. Обращение к гомилиям стало для них своего рода «золотым стандартом». Сознательно возрождая древние поэтические формы в литургическом контексте и обращаясь к архаизированному языку и метрике классической античности (в частности, к ямбическому триметру), авторы вписывали гимнографию в общую историю греческой литературы. Постепенно сложилась особая словесная семиосфера, включенная в систему византийского богослужения наравне с его музыкальными и изобразительными формами и понятная как самим творцам, так и участникам литургического действия.

Библейский дискурс Тропология нашел свое выражение в древнейшем типе гимнов-парафразов, содержавших как пересказ чтений из иерусалимского Лекционария, так и прямые цитаты из них. Подобная техника появилась как ответ на запрет индивидуального творчества, закрепленный в 45-м правиле Лаодикийского собора (около 360 года), согласно которому из богослужения следовало исключать песнопения, не основанные на Священном Писании. Данная мера была продиктована необходимостью противостоять распространению еретических учений, проникавших в литургическую практику через гимнографию.

В Новом Тропологии к архаичным парафразам принадлежал гимн «Ныне отпускаешь твоего раба». Раннее свидетельство его употребления зафиксировано в «Апостольских постановлениях» (IV век), без указания времени и места исполнения. Согласно Грузинскому Лекционарию, он исполнялся на синакисис Сретения, а в MG 56+5 помещен на «Слава» после стихир на «Господи, воззвах» и

на отпуст литургии апостола Иакова. Текст полностью состоит из слов Симеона Богоприимца, произнесенных в Иерусалимском храме при встрече с младенцем Христом (Лк. 2:29–32). Данная перикопа с древнейших времен читалась на литургии Сретения. К евангельской цитате добавлена лишь доксологическая формула «Бог наш, слава тебе».

В других случаях гимнографы вплетали в текст микроцитаты. Так, в гимне «Начнем, люди», исполнявшемся на литургии апостола Иакова в первое воскресение великого поста, цитировалось евангельское чтение дня (Мф. 6:1–20): «Не будем много говорить в молитвах наших, но как научены, так и будем взывать: Отец наш, сущий на небесах (Мф.6:9)! Прости нам, как человеколюбивый, падения наши (Мф. 6:12)». Перенесенный в константинопольскую традицию, этот гимн утратил первоначальный лекционный контекст и вошел в византийскую гимнографическую практику в качестве стихир на утрени вторника первой недели великого поста.

Гомилетический дискурс в Новом Тропологии принимал различные формы — от прямого цитирования до поэтической переработки. Так, гимн, который пели в четверг первой и вторник второй недели великого поста, буквально воспроизводил Второе слово на пост Василия Великого: «Соблюдаем пост достойный, угодный Господу! Истинный пост — это отчуждение от злых дел, воздержание языка, отречение от гнева, удаление от вожделений, клеветы, лжи и клятвопреступления. Свобода от всего этого и есть истинный и угодный пост».

Более сложную поэтическую трансформацию демонстрируют стихир и канон Иоанна Дамаскина севастиийским мученикам, представляющие собой поэтическое изложение 19-й беседы Василия Великого «На день святых сорока мучеников», произнесенной в храме мучеников в 373 году. Мотив антитез «зима — рай», «мучение — «упокоение» в Беседе звучит как: «Жестока зима, но сладок рай; мучительно — замерзнуть, но приятно упокоение. Недолго потерпим», а в стихире на «Господи, воззвах» и каноне читаем: «Сурова зима, но сладок рай, мучителен лед, но сладостно принятие... претерпев немного, увенчаемся победными венцами от Христа Бога» и «Как болезнен лёд, как безмерно жестока стужа, которую вы претерпели, но сладок рай». Мотив добровольной жертвы в Беседе сформулирован: «Пусть горит нога, только бы непрестанно ликовать с ангелами! Пусть горит и рука, только бы иметь дерзновение воздевать ее владыке!». Прямую речь-восклицание мучеников сохраняют стихира и канон: «Пусть будет сожжена нога, чтобы ликовствовать вечно; рука же отсекаемая, пусть вознесется к Господу». и «Пусть будут отсечены руки, сожжена же нога, — восклицали святые, — ведь мы их вновь получим нетленными».

Чаще всего Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский следовали методу лекционно-гомилетического синтеза, в основе которого лежало поэтико-богословское толкование события, отталкивающееся от чтения дня и опирающееся на предшествующую гомилетическую традицию. Так, в каноне на великий четверг Косма трансформировал воспоминание об историческом событии

дня в плоскость мистического осмысления. Центральным образом здесь выступает не исторический Христос, а богословская категория премудрости Божией. Отправной точкой для выстраивания метафоры евхаристии как трапезы Премудрости гимнограф избрал ветхозаветное чтение великого четверга из книги Притчей (Притч. 9:1–5), звучавшее на литургии: «Премудрость построила себе дом, подвела под него семь столпов, совершила заклание своих жертвенных животных, смешала в чаше своей вино и приготовила свою трапезу».

Это чтение уже в раннехристианской письменности воспринималось как символическое описание евхаристии. Косма развил эту интерпретацию: тайную вечерю, причащение Телу и Крови учениками, предательство Иуды, шествие на страдания и умовение ног он истолковал в догматическом ключе — от воплощения Божией премудрости и принесения ее в жертву за человечество до искупления, обожения и спасения человека. Наряду с устойчивыми богословскими терминами, такими как «бесконечная премудрость» и «нетварное слово», у Космы появляются специфические понятия: «соединенная со мной природа человека» (Максим Исповедник), «способ взаимообмена свойств» (Иоанн Дамаскин).

Иоанн Дамаскин, создавший первый в истории иерусалимского чина канон Пасхи для утрени воскресения, опирался на евангельский фрагмент о явлении ангела женам-мироносицам у гроба, читавшийся вечером великой субботы и утром воскресения Пасхи в Иерусалиме, а также на 1-ое и 45-е слово Григория Богослова. Так тропари составляли единое целое с перикопой дня из Лекционария и гомилиями.

Помимо цитат, Иоанн широко использовал типологические образы, включение которых в гимнографию началось уже в Древнем Тропологии. В четвертой песни канона Пасхи Иоанн уподобляет агнцу Христа. Ветхозаветный агнец, закланный израильтянами в ночь исхода из Египта и впоследствии приносимый ежегодно во время пасхального праздника, прообразовал Христа, принесенного в жертву за грехи мира. Данная типология получила раннее отражение в гомилия «О Пасхе» Мелитона Сардского, которая начиналась словами о том, что овца закалается и народ спасается. В пасхальную гимнографию образ был введен Андреем Критским в его каноне Пасхи, а впоследствии систематически использовался в службе Пасхи, в том числе Иоанном Дамаскиным.

Библейские топосы — устойчивые повторяющиеся образы — сложились уже в Древнем Тропологии при создании служб новым святым, не имевшим собственных гомилий или житий. Такие гимны строились на лекционарных перикопках из «общих» чинов мученикам, преподобным, апостолам или на материале древнейших служб того чина, для которого требовалось составить новые тексты.

В гимнографии, как и в иерусалимской традиции в целом, ключевым для святых женщин стал топос «брака», на что первой обратила внимание Л. С.

Холкина. В раннем иерусалимском календаре особые последования имели ветхозаветная мученица Соломония с сыновьями — мучениками Маккавеями, новозаветные святые — жены-мироносицы, мученицы Фекла и Евфимия Всехвальная. Поскольку памятей было значительно больше, чем особых гимнографических формуляров, устойчивые топосы компенсировали недостаток содержательной основы. Группа топосов брака, охватывающая как замужних, так и девственных святых, сформировалась на основе чтения из «общего» формуляра святых женщин — притчи о десяти девах, встречающих с горящими светильниками жениха-Христа (Мф. 25:1–13). Эта образность парадоксальным образом развивалась в связи с формированием христианского представления о девстве как особой добродетели, чуждой ветхозаветному мировоззрению. Идеал утвердился после рождения Христа от Девы, который, приняв плоть, сохранил ее нерастленной в девстве. Девство понималось не просто как воздержание от плотских отношений: корень и плод девства — это крестная жизнь.

К семантической группе «брак» Л. С. Холкина отнесла следующие топосы. Центральным является образ невесты Христовой. Несмотря на различие в подвигах и возрасте, все они «уневестились Христу». Этот образ неразрывно связан с образом жениха-Христа. Местом брачного союза выступал брачный чертог, вхождение в который символизируется брачным венцом, которым украшается мученица как невеста Христа. Облачением невесты служила брачная одежда. Для встречи с женихом были необходимы светильники, наполненные елеем, символизирующим добрые дела, необходимые для встречи с женихом — Христом.

Помимо группы «брак», в гимнографии мучеников выделяются еще две семантические группы топосов: «состязание» (венец, страстотерпец, ристалище) и «брань» (воин Христов, оружие креста). Они сформировались на основе новозаветных апостольских чтений служб мучеников, где подвижники уподоблялись античным борцам, завоевывающим венцы на стадионе, либо воинам, облаченным в броню правды и щит веры. Эти образы вошли в гимнографию как святых женщин, так и мужчин. Так, в архаичном тропаре мученику Филофею фиксируется сразу пять образов из данного блока, однако семантически трансформированных при переводе на церковнославянский язык: «Пострадавший на земле страстотерпец, в состязании и на поле брани исповедал Христа, получил венок». Данная система библейских топосов, изначально разработанная для составления служб святым без житий, впоследствии была воспринята константинопольской традицией.

Хронотоп, определяющий специфику сюжетного развития, композиции и характера конфликта, в иерусалимской гимнографии может быть охарактеризован как «время-вечность» — переживание сакрального времени, в котором прошлое, настоящее и будущее совпадают. Гимнография исполнялась в храме, который есть земное небо, в котором живет и обращается небесный Бог, царство Божие, горний

Иерусалим. В его моделировании в иерусалимской гимнографии можно выделить следующие приемы:

1) Актуализация событий прошлого через наречия «сегодня», «ныне», «вот», глаголов настоящего времени: «Твоей тайной вечера сегодня, Сын Божий, причастника меня прими», «Ныне отпускаешь твоего раба, владыка», «Сегодня вод освящается естество и разделяется Иордан».

2) Вовлечение в действие и переживание событий в их вечной — неповторимой и надвременной — сущности достигается через использование прямой речи и диалогов. В отличие от повествования от третьего лица, где события излагаются описательно, прямую речь гимнограф вкладывает в уста Христа, Богородицы, святых, ангелов, Иордана, смерти, ада, разбойника на кресте, позволяя им говорить самим.

3) Ощущение бесконечности формируется через циклическое повторение текстов и рефрены. В этом круговом пространстве молящийся перемещается во времени и пространстве: присутствует при мученическом подвиге сорока воинов на Севастийском озере, в Вифлееме поклоняется Богомладенцу и вместе с мироносицами спешит в Иерусалим, чтобы возвестить радость воскресения.

Сакральное пространство гимнографии подразделяется на три зоны: подземную, земную и небесную. Ад, земля и рай в этой модели образуют единое целое: «Ныне все наполнилось светом — и небо, и земля и преисподняя: пусть же празднует все творение воскресение Христа — в нем нам утверждение». Главная пространственная ось хронотопа проходит между землей — местом греха (поэты называют ее «зимой», «мглой», «ночью») — и небом — обителью света («весной», «солнцем», «утром»). Земля входит в оппозицию «земля / небо» и приобретает религиозно-моральное значение, не свойственное современным географическим понятиям. Эти представления переносятся на географические реалии в целом: те или иные земли воспринимаются как праведные или грешные. В гимнографии возникает устойчивое противопоставление: «Иерусалим» и «Сион» (земли праведные) — «Вавилон» и «Египет» (земли грешные). Приближение к небу требует не географического перемещения к Сиону, а нравственного движения. Поэтому повествуя о реальных исторических лицах, гимнографы помещают их не в историческое, а в моральное пространство, где духовная сущность подвига мучеников важнее конкретных мест и обстоятельств их страданий: сменяя тленные ризы, они сменяют с себя «ветхого человека», свое греховное естество, и облачаются в ризу нетления, в жизнь вечную. Безразличие к системе реальных пространственно-временных координат лежит в основе использования «общих» гимнов в Тропологии.

2. Исполнение гимнов

Тексты Тропология составлялись как певческие. Гимнографический материал предназначался для исполнения на конкретной службе, включенной в систему соответствующих макроструктур. Уже в Древней Тропологии гимны

имели музыкальные характеристики и указание на глас. В системе восьми гласов использовались четыре простых (или автентических) и четыре плагальных гласа. Многострофное песнопение в новом Тропологии, как правило, пелось на один глас в отличие от предшествующей традиции, где каждая песнь канона могла исполняться на особый глас. Далее указывался образец — мелодико-текстовая формула, по которой гимн должен был быть распетым. Ее вводил предлог «на». Термин «подобная» обозначал песнопение, распетое по заданной модели. Если указание на модель отсутствовало, песнопение исполнялось на самостоятельный мелос. В редких случаях указывали происхождение мелоса и текста, как для стихир службы Иоанну Златоусту «византийские», то есть «константинопольские». От состава исполнителей — только певчие или певчие совместно со священнослужителями и общиной — зависел выбор формы пения: хоровой, антифонной, с рефреном.

Принцип подобия, то есть метрического и музыкального воспроизведения модели при создании нового текста, с VIII века применялся к большинству текстов. В Новом Тропологии, где число моделей существенно возросло по сравнению с Древним, возможно выделить два типа подобнов, которые возникли в два этапа развития:

1) на первом этапе при сохранении метрико-мелодической структуры модели создавался новый текст, представлявший собой «кальку» — близкое по содержанию и формулировкам воспроизведение образца. Большинство «калек» сохранилось в службах пасхального и богоявленского циклов.

2) на втором этапе, также при сохранении метрико-мелодической основы, возникал текст, который либо частично повторял фразы или рефрен модели, либо становился полностью независимым по содержанию, сохраняя лишь формальную связь с прототипом. В византийской гимнографии второй тип оказался более продуктивным. Незначительные отступления от модели считались нормой, так как метрические сбои компенсируются в этом случае допустимыми свободными модуляциями музыкальной фразы.

Библейские тексты с древности составляли цементирующую часть богослужения и фразы из них исполнялись как повторяющиеся припевы. Через пение подобных рефренов-ответов в виде кратких и легко запоминающихся строф иерусалимская община участвовала в богослужении, что засвидетельствовано, начиная с Эгерии и Армянского Лекционария, в котором среди текстов бдений Богоявления и Пасхи указаны рефрены для песен из книг Исхода и пророка Даниила.

В Новом Тропологии рудименты этих практик документируются в наиболее древних службах года: на страстной неделе, на Пасху в составе литургии мира. Это соответствовало действию закона А. Баумштарка и Р. Тафта о консервации древних практик в наиболее значимые периоды литургического года. На ночном бдении с четверга на пятницу респонсорным образом пели шесть антифонов, так называемых «ифихисисов», состоявших из псаломских стихов, славословной

формулы и тропаря. Каждый «ифихисис» был построен следующим образом: псаломский стих, псалом, тропарь, другой псалом, другой тропарь, «Слава» с тропарем. Подобные же антифоны исполнялись утром великой пятницы, на часах; в MG 56+5 авторство тропарей приписано Кириллу Иерусалимскому. В великую субботу вечером на пасхальной литургии апостола Иакова пели «Аллилуия», а на малый вход Пасхи гимн «Единородный Сын» с рефреном. Во время древней литургии мира также сохранялось антифонно-респонсорное пение: при великом входе исполнялся гимн с припевом «Аллилуия», а при каждении мира архиерей пел гимн «Самуил» в чередовании с хором.

3. Заключение к пятой главе

1. Поэтика Нового Тропология развивалась на основе традиций Древнего Тропология. Будучи частью поэтической системы раннехристианской словесности, она носила функциональный характер: подчинялась литургическому чину и составляла единое целое с изобразительным, музыкальным и обрядовым действием.

2. Интертекстуальность Тропология прошла путь от библейских парафразов, привязанных к чтениям иерусалимского Лекционария и дополненных цитатами из бесед местных священнослужителей — архиепископа Кирилла, пресвитера Исихия и других, — в Древнем Тропологии до сложного экзегетического синтеза в Новом Тропологии. Гимнографы последнего — Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский — отталкивались от чтения праздника и раскрывали его поэтически, вписывая гимн в единое богословско-экзегетическое пространство своей эпохи через цитирование Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Романа Сладкопевца и других христианских писателей и поэтов.

3. Система устойчивых библейских топосов, соотносившихся с типологией святых (преподобные, мученики, апостолы и др.), складывалась в рамках Древнего Тропология, компенсируя отсутствие житийных и гомилетических материалов при составлении служб новым святым. Так, для святых женщин применялись топосы группы «брак»: свечи, елей, жених, невеста. Впоследствии эти модели были восприняты константинопольской традицией и закрепились в византийской гимнографической практике.

4. Пространственно-временная модель Нового Тропология характеризуется хронотопом, в котором происходило моделирование образа горного Иерусалима через игнорирование исторических деталей событий и индивидуальных характеристик персонажей в пользу духовной сущности события, отсутствие развития сюжета в линейном времени, конструирование особой системы религиозно-нравственных координат, в которой «Сион» и «Иерусалим» были противопоставлены «Египту» и «Вавилону».

5. Принцип метрико-мелодического подобия в Новом Тропологии прошел два этапа эволюции. Если на начальном этапе новые тексты представляли собой точные «кальки», дословно воспроизводившие модель, то впоследствии их вытеснили гимны, которые, сохраняя ритмико-мелодическую формулу прототипа, обретали содержательную самостоятельность.

6. Наибольшее число антифонных и респонсорных гимнов с участием общины сохраняется в Новом Тропологии в древнейшие периоды литургического года: на страстной неделе, на Пасху и в древнем чине освящения мира. В остальном же фиксируется переход от общинного пения к профессиональному хоровому исполнению.

7. Функциональная подчиненность литургическому чину, интертекстуальное включение патристической экзегезы Библии в гимнографическое поле, использование устойчивых топосов и хронотопа «время-вечность» были восприняты последующими. Константинопольские составители Миней и Триодей в IX веке следовали этим поэтическим принципам, обеспечивая тем самым преемственность и единство гимнографической традиции Византии.

В заключении формулируются основные выводы исследования, подтверждающие научную новизну, теоретическую значимость и практическую применимость полученных результатов. Они полностью отражены в Положениях, выносимых на защиту.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

В журналах, рецензируемых в WoS, Scopus, и входящих в список ВАК:

1. Sinai Greek NE MG 62: An Unknwon Greek Liturgical Collection of the Coptic Rite (With the Editio Princeps of the Texts) // *Orientalia Christiana Periodica*. Vol. 92. 2026. P. 107–169 (вместе с Giulia Rossetto).
2. Пасхальный канон Иоанна Дамаскина: текст, редакции, контекст // *Литературный факт*. №3 (41). М., 2026. С. 368–396.
3. Типология гимнов литургии апостола Иакова (по литургико-гимнографическими рукописям IX–X веков) // *Христианство на Ближнем Востоке*. 2025. Т.9. № 1. С. 52–80.
4. Косма Иерусалимский и его вклад в палестинскую реформу гимнографии VIII в. // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2025. Т. 84/1. С. 75–88.
5. Неизвестные тропари христианских праздников из Египта в SINAI GR. NF MG 15 // *Материалы XXVIII чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология–XXVIII»*. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. Ч. 2. С. 1197–1211.

6. A 'Hagiopolite-prototriodion' in the new Tropologion Sin. Gr. NE МГ 56+5: Quadragesima Hymns // *Orientalia Christiana Periodica*. 2024. Vol. 90. P. 67–142 (вместе с Samuel Bauer, Gregory Tucker).
7. «Ангельские, предыдите силы»: эволюция текста // *Герменевтика древнерусской литературы* Москва, ИМЛИ РАН. 2024. Сб. 23. С. 104–123.
8. РНБ Греч. 87: новая находка нового Тропология // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2024. Т. 83/1. С. 73–90.
9. Byzantine Influence Before Byzantinization: The Tropologion Sinai Greek NE МГ 56+5 compared with the Georgian and Syriac Melkite versions // *Religions journal*. 2023. Vol 14. Issue 11. Опубликовано: 27.10.2023 (Scopus), <https://www.mdpi.com/2077-1444/14/11/1363> (вместе с Stig R. Frøyshov, Natalia Smelova).
10. The Consecration of Holy Myron in the Near East: A Reconstruction Attempt of the Greek-Melkite Rite (with the Edition of Sinai Greek NF/ E 55 + Fragment E sine numero, A.D. 1156) // *Orientalia Christiana Periodica*. 2019. Vol. 85/1. P. 167–216.
11. Литургия мира: Константинополь vs Ближний Восток // *Studia litterarum*. 2019. Т. 4/3. С. 50–71.
12. The Codex Sinaiticus Liturgicus Revisited: A New Edition and Critical Assessment of the Text // *Orientalia Christiana Periodica*. 2017. Vol. 82. P. 59–125 (вместе с Tinatin Chronz).
13. Афанасий из Клисмы: забытый святой Египта и его литургический культ // *Богословский вестник*. 2022. Т. 1(44). С. 248–271.
14. Святые жены в древнеиерусалимском богослужении: формуляры и система топосов // *Библия и христианская древность*. 2021. Т. 3/11. С. 160–196 (вместе с Л.С. Холкиной).
15. Землетрясения в гимнографии: публикация, идентификация, интерпретация текста из Sin. Gr. NE/МГ 56+5 (IX в.) // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2020. Т. 79/4. С. 84–101.
16. Египетский след в Иерусалимском Тропологии Sin. gr. NE / МГ 56+5 // *Вестник СПбГУ. Серия 13: Востоковедение и африканистика*. 2016. Т. 4. С. 40–54.
17. Codex Sinaiticus Liturgicus: к истории и типологии кодекса // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2016. Т. 20. С. 776–802.
18. Структура богослужебных последований в Тропологии VIII–IX вв. и минеях IX–XIV вв. // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*. 2012. Т. 1/28. С. 74–89.
19. Воссоединенный кодекс РНБ. Греч. 89 / Sinait.Gr.578 // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2013. Т. 17. С. 605–618.
20. Неизвестное гимнографическое наследие константинопольского патриарха Германа (†до 741) // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*. 2011. Т. 4/26. С. 29–44.
21. Рождение Минеи // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*. 2010. Т. 4/22. С. 103–123.

22. Древний иерусалимский чин умовения ног в Тропологии Sin. gr. МГ/NE 56+5 (публикация, вступительная заметка и комментарий) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Т. 84. С. 9–34.

В иных сборниках и журналах:

1. Панигир архангела Михаила на Синае и в Египте: Реконструкция греко-православного чина IX в. // *Theologia Christiana Academica*. 2025. №1. С. 61–82.
2. Хронотоп гимнографии // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. Т. 2/63. С. 125–135.
3. The Oldest Greek Tropologion Sin. Gr. МГ 56+5: A New Witness to the Liturgy of Jerusalem from Outside Jerusalem with First Edition of the Text // *Oriens christianus*. 2015. В. 98. Р. 138–174.
4. Сакральное пространство гимнографии // *Древняя Русь: пространство книжного слова. Историко-филологические исследования*. М., 2015. С. 18–33.
5. Подобен в византийской гимнографии. Этапы развития // *Przegląd Wschodnioeuropejski (East European Review)*. 2014. Vol. 5/1. Р. 185–197.
6. Beobachtungen zum ältesten Tropologion Codex Sinaiticus graecus 56+5 // *Σύναξις καθολική: Beiträge zu Gottesdienst und Geschichte der fünf altkirchlichen Patriarchate für Heinzgerd Brakmann zum 70. Geburtstag* / ed. Dilia Atanassova and Tinatin Chronz. Wien, 2014. В.1. S. 147–175. [*Orientalia–Patristica–Oecumenica* 6]. (вместе с Tinatin Chronz).